Попов К.

Г.г. офицеры.

Париж, 1929

ИНЯ—Библиотека
ЦР
П 792

1332/11

К. ПОПОВЪ

Г. г. ОФИЦЕРЫ

ПАРИЖЪ

ЦР
П 792

К. ПОПОВЪ

Г. г. ОФИЦЕРЫ

ОЧЕРКИ

ПАРИЖЪ
1929

ЦР
П792

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Tous droits réservés.

Copyright by the author.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
1087468
22523
(037
29)
1803/36 ©1.
2012

«...Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности. Смѣнить его можетъ только смерть».

(Ген. А. И. Деникинъ).

Сомкнемъ штыки !..

(Вмѣсто предисловія)

На дворѣ льетъ дождь. Буйный вѣтеръ, обрывокъ циклона свирѣпствующаго уже недѣлю въ Атлантическомъ океанѣ и Ламаншѣ, сотрясаетъ мою мансарду, какъ-бы желая отвлечь мое вниманіе и нарушить тихую торжественность, охватившаго меня, душевнаго состоянія. Напрасно. Я растапливаю печь, поудобнѣе сажусь въ старое кресло, протягиваю ноги, чтобы дать имъ обсушиться и согрѣться и начинаю уже чувствовать, какъ тепло пріятно распространяется по всему тѣлу. Я съ удовольствіемъ отдаюсь на мигъ этому чувству, не торопясь достаю свой бумажникъ и вынимаю изъ него только что утвержденный уставъ моего полкового объединенія. «Нашъ Законъ», читаю я его краткое и выразительное названіе... и моя мысль переносится туда, гдѣ только что сидѣли мы, уцѣлѣвшіе обломки стариннаго полка Россійской арміи. Предо мной отчетливо встаетъ крупная фигура моего стараго доблестнаго командира, когда - то статнаго красавца флигель - адъютанта, теперь сѣдого старика — директора крупной американской фирмы,

собравшаго своихъ офицеровъ у себя въ кабинетѣ и читающаго по пунктамъ вновь выработанный, предлагаемый на утвержденіе, уставъ.

Сосредоточенно суровы лица слушателей, плотно сжаты ихъ губы и не одна морщина залегла глубокой складкой на этихъ мужественныхъ, гордыхъ челахъ. Они впитываютъ въ себя отрывистыя фразы своего командира, съ глубокимъ чувствомъ и подлиннымъ огнемъ, произносящаго:

— Русское Государство и его державное мѣсто среди народовъ міра созидалось въ теченіе тысячелѣтія подъ водительствомъ Русскихъ Князей и Царей, творческими силами Русскаго народа, морально нравственными устоями Православной Церкви и мощью Русской Арміи...

— Первый, старѣйшій полкъ Русской арміи Ż-скій Царя Михаила Ѳеодоровича полкъ, основанный первымъ Романовымъ, исполнялъ свой воинскій долгъ непрерывно въ теченіе почти трехъ столѣтій, пронеся черезъ вѣка своего существованія незапятнаннымъ свое опаленное въ бояхъ и обвѣянное побѣдами знамя. Всею своею государственною, трудовою, боевою и мирною работою, всѣмъ своимъ прошлымъ, полкъ исторически неразрывно связанъ съ династіей Романовыхъ...

Неоднократно отличаемый за подвиги и службу Россіи — Царями, полкъ хранитъ благодарную память династіи и глубокую скорбь о царственныхъ однополчанахъ, пріявшихъ мученическій вѣнецъ: Императорѣ Александрѣ II и Императорѣ Николаѣ II и Его Семьѣ...

— Въ годы тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю нашей Родины, каждый Ż-ецъ, гдѣ бы онъ ни находился, все тотъ-же стойкій носитель долга и чести полка на посту своего исконнаго служенія Великой Родинѣ...

— Званіе Ż-ца обязываетъ, и въ особенности въ исключительно трудныхъ условіяхъ современной жизни, сохранить вѣрность традиціямъ полка и передать ихъ нашимъ потомкамъ такими-же, какими мы пріяли ихъ отъ нашихъ предковъ...

— Одушевленные этими мыслями, нашимъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ черпаемъ наши силы, ради сохраненія моральнаго наслѣдія, врученнаго намъ исторіей, — нашихъ традицій, — для дѣла будущаго строительства Россіи, мы, находящіеся въ Парижѣ члены Ż-ской семьи, собрались ** 192* года и выработали нашъ законъ, правила нашей организаціи и изложили его въ слѣдующихъ статьяхъ...

. . . . . .

Вотъ они эти краткія, простыя и ясныя статьи... я любовно перечитываю ихъ разъ, другой... и они кажутся мнѣ предѣломъ ясности и почти что физической ощущаемости.

«Нашъ Законъ» уже рисуется мнѣ начертаннымъ на скрижаляхъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ начертаны были заповѣди Моисея. И самый стиль и сущность его навѣваютъ на меня прекрасный ароматъ далекаго прошлаго... и картина за картиной воскресаютъ въ моей памяти.

Я вижу себя недавно прибывшимъ въ полкъ молодымъ офицѣромъ...

. . . . . .

Билліардная комната офицерскаго собранія постепенно наполняется. Дверь изъ обширной, неуютной и холодной передней поминутно съ шумомъ отворяется и впускаетъ все новыхъ и новыхъ офицеровъ, сіяющихъ своей прекрасной формой, безукоризненной выправкой, увѣренными движеніями и какъ-бы излучающейся изъ каждаго жизнерадостностью молодости. Входящихъ то и дѣло шумно привѣтствуютъ: Здорово Гено! А! Кокоръ! Рома! Саша! Арчиллъ! или привѣтствія переходятъ вдругъ съ именъ и прозвищъ на цыфры ротъ и батальоновъ, въ которыхъ состоятъ входящіе...

— Здорово шышнадцатая! здорово славная шестая! здорово «четвэртый»... Сразу бросается въ глаза, что собирается только молодежь не выше штабсъ-капитанскаго чина, и все-же набирается до сорока человѣкъ. Каждаго старшаго изъ входящихъ всѣ подчеркнуто «отчетливо» встрѣчаютъ, вставая и вытягиваясь, пока не кончалась церемонія обычныхъ привѣтствій. Замѣтно также, что офицеры избѣгаютъ называть другъ друга по имени и отчеству, а называютъ по прозвищамъ и именамъ, и только одни мы, «молодые», выдаемъ себя тѣмъ, что ко всѣмъ обращаемся съ упоминаніемъ чина.

Большая билліардная комната, несмотря на свою неуютность, любимое мѣсто для сбора друзей.

Здѣсь обыкновенно рождались многочисленные планы и отсюда-же начиналось проведеніе ихъ въ жизнь.

Здѣсь-же, какъ узнаемъ, зародилась вчера мысль и нашего чествованія — и первоначальное недоумѣніе «молодыхъ»... разъясняется.

Большіе деревянные диваны, стоящіе вдоль стѣнъ и большой солидный билліардъ съ необходимыми принадлежностями — единственная обстановка этой комнаты, если не считать висящей вдоль стѣнъ длинной вереницы портретовъ бывшихъ командировъ полка, отъ Гордона, изображеннаго на старинной гравюрѣ, до послѣдняго командира, снятаго въ тифлисской, хорошо извѣстной всѣмъ фотографіи.

Диваны давно укомплектованы старшими офицерами. Младшіе, не имѣя гдѣ присѣсть, стоятъ въ независимыхъ позахъ, попыхивая папиросами и ведутъ оживленную, дружескую бесѣду. Табачный дымъ поднимается облаками отъ этихъ группъ и, временами, начинаетъ походить на дымовую завѣсу, изъ-за которой, словно изъ тьмы вѣковъ, серьезно глядятъ лики старыхъ боевыхъ командировъ. Сегодня, полковая молодежь, къ которой относились подпоручики, поручики и часть штабсъ-капитановъ, не обремененныхъ еще семейными обязанностями, — выбрала день для чествованія или, какъ намъ было объявлено, для ознакомленія съ молодежью.

Насъ «молодыхъ» — восемь, прибывшихъ изъ пяти военныхъ училищъ.

Ровно въ девять часовъ, какъ было назначено, дверь, ведущая въ большой квадратный, полутора-свѣтный залъ, распахнулась и на порогѣ показался хозяинъ собранія, поручикъ Гаврюша К., невысокаго роста, худощавый брюнетъ, съ черненькими усиками и маленькими, глубокосидящими глазками. — Пожалуйте, господа! — обратился онъ къ собравшимся офицерамъ, приглашая ихъ широкимъ жестомъ въ столовую. Никто не заставилъ себя просить дважды и всѣ гурьбой направились черезъ слабо освѣщенный, громадный залъ къ яркой полосѣ свѣта, вырывавшейся изъ широко раскрытыхъ дверей столовой.

Взору вошедшихъ представилась прекрасная перспектива большой продолговатой, залитой свѣтомъ столовой, посреди которой красовался длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью. Онъ былъ уставленъ правильными рядами приборовъ великолѣпнаго Кузнецовскаго фарфора, съ тончайшей, художественной работы, полковыми вензелями. За приборами, въ томъ-же безукоризненномъ равненіи, помѣстились хрустальные бокалы, стопки и рюмки. За ними, въ центрѣ стола, среди разнаго рода закусокъ и винъ, возвышались прекрасныя серебряныя вазы съ цвѣтами, — желтыми и красными. Всѣ свободныя въ этомъ пространствѣ мѣста заняты кубками, чарочками, азарпешами и турьими рогами, оправленными въ серебро и золото. На каждомъ изъ этихъ предметовъ дата, кѣмъ и когда сдѣланъ подарокъ въ полковую сокровищницу. Столовая утварь, накоплявшаяся столѣтіями,

представляла въ полномъ смыслѣ слова — сокровищницу. Кромѣ сотенъ комплектовъ серебряныхъ приборовъ, остававшихся отъ каждаго офицера, служившаго въ полку и обязаннаго имѣть свой приборъ, она имѣла еще массу цѣнныхъ подношеній отъ различныхъ полковъ, городовъ и старыхъ сослуживцевъ, дѣлавшихъ свои подношенія въ различные выдающіеся моменты полковой жизни. Но главными и цѣннѣйшими были царскіе подарки — Державныхъ Шефовъ, которые, кромѣ своей дѣйствительной стоимости, представляли собой высоко художественыя произведенія искусства и историческія реликвіи. Этихъ, послѣднихъ, за столомъ нѣтъ. Они подаются лишь въ особо знаменательныхъ случаяхъ, а посему красуются въ громадномъ рѣзномъ шкафѣ, спеціально привезенномъ изъ Венеціи.

Когда всѣ офицеры встали возлѣ своихъ именныхъ приборовъ и невольно стихъ шумный разговоръ, старшій изъ присутствующихъ, едва уловимымъ наклоненіемъ головы попросилъ всѣхъ сѣсть. Зашуршали отодвигаемыя стулья, сверкнули и заиграли отразившись въ прозрачномъ хрусталѣ яркія пуговицы и блестящіе погоны, и каждый какъ-бы въ нерѣшительности и раздумьи задержался, предаваясь созерцанію красоты дѣвственности сервированнаго стола.

Это продолжается моментъ, въ который, однако, я улавливаю торжествующій взглядъ моего визави поручика, котораго всѣ зовутъ Арчилломъ, — брошенный моему сосѣду, тоже, молодому.

— Каково, братъ? — одними глазами говорилъ Арчиллъ... и ошеломленный «молодой» ничего не отвѣчая, какъ-бы растворился въ восторженной улыбкѣ.

— Господа! — произнесъ, поднимаясь, сидѣвшій въ головѣ стола старшій, и всѣ встали.

— Я поднимаю бокалъ за здоровье Державнаго Шефа полка, Его Императорскаго Величества Государя Императора! Ура!...

Громкое дружное ура огласило столовую и съ рокотомъ перенеслось въ пустой залъ... и не успѣло еще замереть, какъ всѣ запѣли хоромъ, вдохновенный Ż-скій маршъ...

— Господа! — раздался голосъ того-же офицера:

— Я предлагаю выбрать, по кавказскому адату «тулумбаша» и таковымъ предлагаю избрать Володю Дельскаго.

— Просимъ! Просимъ! — раздались со всѣхъ сторонъ дружескіе голоса. Этого оказалось достаточно и тулумбашъ принялъ бразды правленія въ свои руки.

— «Ż-цы — Алла - верды!» — какъ - бы скомандовалъ тулумбашъ, и всѣ, буквально, залпомъ выпалили — «Яхши - Олъ». —

— Учись, братъ! — одними глазами наставлялъ торжествующій Арчиллъ... и тотчасъ же поворачивался самъ къ тулумбашу и нарочито серьезно весь обращался «въ слухъ».

— Господа! — тѣмъ временемъ говорилъ тулумбашъ Володя. — Сегодня мы привѣтствуемъ мо-

лодыя силы, влившіяся въ нашъ старый, горячо любимый полкъ.

Этотъ день, всегда большое событіе въ нашей маленькой жизни. Для насъ это подтвержденіе вѣщихъ словъ нашей полковой пѣсни: Ż-цевъ насъ не мало мертвыхъ и живыхъ, было... есть... и будетъ»... Мертвымъ слава и честь; это ихъ трудами и ихъ подвигомъ создавался избранный вами (при этихъ словахъ онъ выразительно обвелъ глазами «молодыхъ») нашъ славный полкъ... Живые, это всѣ мы, присутствующіе и отсутствующіе Ż-цы готовые ежечасно, ежеминутно, поддержать честь и доброе имя нашихъ славныхъ предковъ и нашего сѣдого, увѣнчаннаго славой полка. Уйдемъ или погибнемъ мы, полкъ не умретъ. Насъ замѣнятъ наши дѣти, внуки и правнуки... и «какъ въ прошедшіе вѣка»... въ минуты тяжелыхъ испытаній полкъ только «сомкнетъ штыки»... и славнымъ погибшимъ, явятся на смѣну доблестные живые... Примѣръ налицо... — Господа! — возвысилъ голосъ тулумбашъ, — въ этомъ году, всѣ восемь выпущенные къ намъ въ полкъ, кончили свои училища портупей-юнкерами. — Да здравствуетъ наша славная молодежь!

Ż-цевъ насъ не мало —
Мертвыхъ и живыхъ...
Было... есть... и будетъ...

Дружно и задорно взяли тенора.

Выпьемъ и за нихъ...

Присоединились баритоны и басы.

Ура, Z-цы!
На картечи намъ придется въ бою лечи
Самъ Богъ повелѣлъ.
Самъ Богъ повелѣлъ.

Повторили басы и октавы.

Съ добрымъ духомъ!

Какъ-бы поздоровавшись воскликнулъ тулумбашъ.

Сомкнемъ штыки!

Отвѣчали всѣ разомъ.

Z-цы!

Командовалъ тулумбашъ... и всѣ выждавъ два счета дружно выпаливали:

Пли!

И вновь, стоя, всѣ исполняли хоромъ полковой маршъ. Собранская прислуга, рослые красавцы въ бѣлыхъ рубахахъ съ бѣлыми поясами и въ бѣлыхъ перчаткахъ, безшумно подаютъ и убираютъ, скользя, какъ тѣни. А тулумбашъ не унимается, уже назначилъ себѣ помощника и потребовалъ, чтобы «молодые» отъ каждаго училища, сказали слово.

— Прошу младшаго, — распоряжался Володя.

Младшимъ оказался Павлонъ, за нимъ два Александровца, потомъ Одессецъ, потомъ Павлонъ, Тифлисецъ, Алексѣевецъ и, наконецъ, самый старшій изъ выпуска Тифлисецъ. Каждый сказалъ свое слово и каждому отвѣчалъ кто либо изъ его старшихъ однокашниковъ.

Просты и безхитростны были слова, никто не сказалъ ничего особеннаго, но всѣхъ выслушивали внимательно, даже напряженно. Когда кто нибудь болѣе удачно выражалъ свою мысль, — немедленно слышались голоса:

— Какъ онъ говоритъ! — какой поэтъ! — второй Кикнадзе*). И обычно послѣ такой рѣчи всѣ затягивали комическую пѣснь:

Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и Ге-е-й-не
А за ними современ-ны-е поэ-э-ты...

Тутъ всѣ вставали, чокались съ «поэтомъ» и продолжали:

Прославляютъ «нашихъ» дамъ,
Ножки милыхъ чудныхъ дамъ,
Тра-та-ра-та-тамъ,
Тра-та-ра-та-тамъ,
Тамъ - тамъ...

Но чаще случалось, что поэтовъ не оказывалось. Красивая мысль пришедшая въ голову не находила нужныхъ словъ для ея выраженія и происходила заминка, — тогда всѣ, дружнымъ «ура» выручали товарища изъ неловкаго положенія.

— Дорогой мой, вы не допивайте своего бокала до дна, васъ не хватитъ, а опаздывать на службу у насъ не полагается, — тѣмъ временемъ шли поучительные разговоры... или...

Арчиллъ, выпивъ на брудершафтъ съ подпоручикомъ Четыркинымъ, торжественно ему заявлялъ:

---

*) Знаменитый талантливый тулумбашъ, извѣстный всей Кавказской арміи.

— Ты, братъ Четыркинъ не грусти, — хотя Четыркинъ и не думалъ грустить. — Тебѣ батальонный не замѣчаніе сдѣлалъ, а только замѣтилъ, что у тебя очень «красивая» чолка... У насъ въ полку ни чолки, ни бакенбарды не полагаются... При мнѣ былъ такой случай, — говорилъ Арчиллъ: — одинъ нашъ офицеръ, сейчасъ онъ въ Академіи Генеральнаго штаба, — отпустилъ себѣ «котлеты». Ему офицеры сказали разъ, другой, — не помогло. Тогда устроили товарищескій ужинъ, на который пригласили и его. Ужинъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда къ нему подошли четыре офицера, взяли его вмѣстѣ со стуломъ и торжественно понесли на сцену... — вотъ сюда, — указалъ онъ на сцену (столовая являлась въ то же время зрительнымъ заломъ). Хозяинъ собранія, въ этотъ моментъ поднялъ занавѣсъ и всѣ увидѣли на сценѣ нашего полкового парикмахера Баграта, сидящаго за столикомъ со всѣми принадлежностями, направляющаго бритву. Тутъ-же на столѣ и горячая вода въ чашечкѣ, однимъ словомъ, все, какъ полагается и,... здѣсь на сценѣ, съ его «согласія» — сбрили одну котлету...

— Ну, будь здоровъ, дорогой Коля, — протягивая бокалъ и чокаясь съ молодымъ Александровцемъ, говорилъ Арчиллъ; а немного погодя, какъ ни въ чемъ ни бывало, добродушно предлагалъ: — Знаешь что, Четыркинъ, идемъ завтра вмѣстѣ стричься...

Сто съ лишкомъ лѣтъ
Тому — какъ было,
Про что мы пѣсню пропоемъ...,

Мягкимъ пріятнымъ теноромъ начиналъ помощникъ адъютанта — Саша, — пѣснь про подвигъ рядового Гаврилы Сидорова въ Персидскую войну 1805 года, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «живой мостъ», когда солдаты, увлеченные примѣромъ Сидорова, бросились въ непроходимый для артиллеріи оврагъ и по своимъ плечамъ перекатили орудія, причемъ самъ Сидоровъ, сорвавшимся вторымъ орудіемъ былъ раздавленъ.

Какъ умеръ егерь Гавріило,
Но память мы хранимъ о немъ.

И всѣ, дружно вливаясь, подхватывали:

Лейбъ-Гренадеръ удалой
Ты люби свой полкъ родной
И для славы его, не жалѣй ничего.

. . . . . .

Неслась пѣснь, западая глубоко въ душу, чтобы разъ и навсегда покорить ее величіемъ подвига, научить безкорыстной и безпредѣльной любви къ Родинѣ и къ Полку, сложившему солдатскими талантами, эти прекрасныя пѣсни, возвышающія душу своей отвлеченной красотой...

. . . . . .

Мягко свѣтитъ луна, озаряя полковой плацъ, памятникъ рядовому Сидорову и полковую церковь съ хранящимися въ ней знаменами...

Замираетъ на своемъ посту часовой, завидя приближающихся офицеровъ...

Тихо дремлетъ сосновый лѣсъ, распространяя свой тонкій упоительный ароматъ въ горномъ ущельѣ надъ спящимъ Манглисомъ.

Несутся годы... Въ сосновомъ лѣсу у Паньской Нивы въ Галиціи, раскинулся нашъ бивакъ...

Сзади... десять мѣсяцевъ войны, десять мѣсяцевъ напряженія всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ, честно пройденный путь, отмѣченный тысячами безвѣстныхъ могилъ русскихъ воиновъ, пріявшихъ смерть за Родину, гордое сознаніе исполненнаго долга... и клочки разрушенныхъ надеждъ и несбывшихся мечтаній.

Впереди... — короткія перспективы: отъ боя — до боя.

Полкъ только что пропѣлъ вечернюю молитву и лѣсъ загомонилъ тысячами голосовъ. Зажглись костры; подъѣхали кухни и густо потянулся къ небу дымъ бивачныхъ костровъ и запахъ солдатскаго борща.

У палатки начальника команды развѣдчиковъ Прапорщика Богдана С., важное совѣщаніе заговорщиковъ.

Необычайное происшествіе. Одновременно изъ Петербурга пріѣхалъ оправившійся отъ ранъ Четыркинъ и привезъ заказанный по телеграфу, для командира второго батальона Георгіевскій крестъ; а изъ Львова, отъ Ханши С., матери Богдана, прибыла двуколка съ винами, закусками и шампанскимъ. Идетъ лихорадочная подготовка къ импро-

визированному торжеству — подношенія Георгія бывшему командиру второго батальона. Медлить нельзя... ибо «потеря времени, смерти безвозвратной подобна».

На передовой линіи, что въ пяти верстахъ впереди, мертвая тишина, но тишина зловѣщая. Обстановка напряженная. Два батальона вызваны на ночь на поддержку передовыхъ частей и уходятъ. Штабъ полка перебирается ближе къ фронту и командиръ, на торжествѣ быть не можетъ. Тѣмъ паче, медлить нельзя...

Завтра можетъ въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ...

вспоминается каждому, и всѣ спѣшатъ на маленькую поляну среди лѣса, гдѣ при тускломъ свѣтѣ двухъ фонарей накрытъ столъ. Конструкція стола оригинальна: прямоугольникъ, величиной съ крышку большого стола, окопанъ канавкой. Въ эту канавку, садящіеся за столъ, опускаютъ ноги. Прямоугольникъ уже накрытъ скатертью и на немъ стоитъ все, «что Богъ послалъ».

Въ этотъ день «Богъ послалъ» очень тонкіе деликатесы и прекрасныя вина, и изголодавшіеся по вкуснымъ вещамъ гастрономы, опуская въ канавку ноги, одновременно одобрительно крякаютъ и потираютъ руки.

Всѣ офицеры двухъ оставшихся батальоновъ налицо. Ихъ только десять. Среди деревьевъ мелькаетъ силуетъ виновника торжества... Это худощавый, сотканный изъ однихъ костей и мускуловъ человѣкъ, средняго роста, голубоглазый, свѣтлый

блондинъ, съ мягкими расплывчатыми чертами лица. Въ немъ не трудно признать уроженца далекаго сѣвера — онъ финнъ.

— Господа офицеры! — раздается команда, и всѣ вытягиваются и замираютъ. Замираютъ съ внутренней дрожью, готовыхъ вырваться наружу, восторженныхъ чувствъ къ любимому командиру.

— Вольно! — небрежно отмахиваясь, говоритъ командиръ, спуская ногу въ канаву и, ничего не подозрѣвая, спрашиваетъ: — это по какому случаю такой парадъ? — Но увидя необычайную торжественность застывшихъ позъ и лицъ, невольно останавливается и вытягивается самъ.

— Господинъ полковникъ! — произнесъ старшій офицеръ второго батальона такимъ торжественнымъ тономъ, что у хозяйственной двуколки, всѣ деньщики, поваръ и конюха, стоявшіе въ почтительномъ отдаленіи, —невольно «берутъ подъ козырекъ», а поваръ, бывшій безъ фуражки, приложилъ руку «къ пустой головѣ».

—Господа офицеры второго батальона имѣютъ высокую честь, въ лицѣ своего доблестного командира, привѣтствовать одного изъ тѣхъ полковыхъ героевъ, имена которыхъ заносятся на, не знающія смерти, страницы полковой исторіи, вмѣстѣ съ описаніемъ содѣянныхъ ими подвиговъ. Эти страницы — полковая гордость. Мы помнимъ, какой надеждой окрылили вы весь полкъ своей ночной атакой 6 декабря... Это вы возвратили утраченное нами сердце и тѣмъ заслужили общую признательность.

Георгіевская Кавалерская дума, признала въ васъ того, «кто не только обязанность свою исполнялъ во всемъ по присягѣ, чести и долгу, но сверхъ сего ознаменовалъ себя въ пользу и славу Россійскаго оружія особеннымъ отличіемъ»... и присудила вамъ Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Мы горячо просимъ Васъ принять на память отъ вашихъ боевыхъ соратниковъ, офицеровъ второго батальона, этотъ крестъ, — мечту каждаго Русскаго офицера.

— Ай какая молодца! какой поэтъ! едва успѣлъ выговорить командиръ, какъ попалъ въ очередныя объятія...

— Ну, господа, за дѣло. Лови моментъ, — нарушилъ торжество минуты Четыркинъ.

— Тѣлесная пища необходима для поддержанія бодрости духа, — чревовѣщательнымъ басомъ изрекъ произведенный за боевыя отличія изъ подпрапорщиковъ — Прапорщикъ Богачъ.

Зажурчало разливаемое вино. Наполнились бокалы. Галиційскій лѣсъ встрепенулся, услыша какъ растроганный Русскій офицеръ сказалъ немногосложный тостъ за своего Государя. Лѣсъ выслушалъ отвѣтное ура живыхъ Ż-цевъ и одобрительно зашуршавъ своими далекими верхушками, принялся слушать ихъ полковую пѣснь:

Я пью за первый батальонъ,
Въ немъ Шефъ Державный занесенъ
Въ списки родные.

**
*

Я пью за батальонъ второй,
Великъ онъ славой боевой...
И командиромъ.

**
*

Я пью за третій батальонъ,
Не отставалъ и онъ ни въ чемъ
На полѣ брани.

**
*

Лучами славы озаренъ
Стоитъ четвертый батальонъ
На Ардаганѣ.

**
*

Я пью за нашихъ кунаковъ,
Н-цевъ молодцовъ Бегли - Ахмета
Они умѣли славно жить,
Всегда отчаянно рубить
Врага безъ счета.

Уже много пробокъ шампанскаго съ трескомъ вылетѣло ввысь, когда чей-то деньщикъ доложилъ:

— Такъ что ваше высокоблагородіе, два молодыхъ прапорщика изволили прибыть и просятъ разрѣшенія явиться.

— Проси! Проси! — обрадовались всѣ и навстрѣчу прапорщикамъ направились два офицера.

Вотъ они, безусые юнцы, какъ прозвали ихъ: «два Аякса», въ новенькой походной формѣ, со всѣми ремнями и блестящими значками Алексѣевскаго военнаго училища. Оба красавцы — высока-

го роста и совершенно не похожіе другъ на друга: типичный русскій и типичный армянинъ.

— Ну, подсаживайтесь къ намъ, — задвигались всѣ, — немного поздновато... да ничего, найдется чѣмъ накормить...

— Насъ задержали въ штабѣ дивизіи, хотѣли послать въ разные полки... насилу упросили.

— Мы вмѣстѣ изъ одной гимназіи, вмѣстѣ кончили военное училище и хотѣли попасть въ одинъ полкъ...

— Правильное рѣшеніе, — раздались сочувственные голоса.

— Стало быть, вы два Аякса... — Ну-ка тамъ... Иванъ... подать господамъ офицерамъ закусить съ дороги...

— Прапорщикъ Богачъ! — подзуживали его офицеры, — Скажите ваше слово молодымъ офицерамъ...

Прапорщикъ долго отнѣкивался, но доброе вино, плотная закуска и полная непринужденность обстановки располагали къ душевному изліянію... Богачъ, вдругъ, поднялся во весь свой огромный ростъ и гаркнулъ:

— «Z-цы — Алла-Верды!»

— «Яхши-Олъ!» — не замедлилъ отвѣтъ... и всѣ насторожились.

— Господа молодые офицеры, позвольте мнѣ поздравить васъ съ прибытіемъ въ славный Z-скій полкъ. Добро пожаловать! и будьте покойны, вы никогда не пожалѣете, что попали къ намъ. У насъ, можно сказать, полкъ отборный, и воюемъ мы

безъ отказу. И начальство нами довольно, и солдаты насъ уважаютъ. Оно и вамъ полезно будетъ кой чему здѣсь поучиться. Здѣсь у насъ, вродѣ, какъ школа. Смотришь, приходитъ офицеръ и взять съ него нечего, а поживетъ, походитъ и какимъ героемъ становится... хоть куда.

Къ примѣру сказать, посмотрите сюда, — указалъ онъ на офицеровъ, сидѣвшихъ въ головѣ стола, изъ которыхъ двое были подполковниками, а остальные не старше поручиковъ.

— Такіе-же были, какъ вы, а уже кажный орденами увѣшанъ... геройскій все народъ...

Здѣсь краснорѣчіе Богача изсякло; наступила пауза... Не найдя нужныхъ словъ, онъ еще разъ выразительно взглянулъ на прапорщиковъ и произнесъ вразумительно и нѣжно:

— Того и вамъ, господа молодые офицеры, желаю.

. . . . . .

На утро начался бой. Весь день лѣсъ сотрясался отъ гула разрывовъ и стрѣльбы. Кругомъ все рокотало... Громадный кровавый дискъ солнца уже снулся своими краями синѣвшаго вдали лѣса, когда на поляну, гдѣ вчера царило веселье, вышли санитары съ окровавленными носилками.

На носилкахъ покоилось безжизненное тѣло одного изъ тѣхъ, кого Богачъ именовалъ геройскими офицерами...

— Перемѣни ногу-то! Янулисъ! тебѣ говорю, али нѣтъ? — бурчалъ санитаръ... За носилками шелъ деньщикъ убитаго — Иванъ, онъ несъ въ ру-

кахъ офицерское снаряженіе и фуражку своего барина и горькія слезы катились изъ его глазъ...

. . . . . .

Мелькаетъ картина за картиной, и всѣ двѣнадцать лѣтъ проходятъ печальной вереницей.

Парижъ... Мадленъ... Я вижу вновь, такъ измѣнившіяся за эти годы, родныя лица... Сѣдина серебритъ головы, когда-то, безпечной молодежи...

Скромные пиджаки и рабочія блузы смѣнили блестящую форму и прикрыли израненныя тѣла...

Серьезны лица офицеровъ... плотно сжаты ихъ губы и залегли глубокія морщины на мужественныхъ гордыхъ челахъ и думаютъ они крѣпкую думу слушая рѣчь своего командира...

Сильно порѣдѣли ряды Ż-цевъ. Гдѣ только нѣтъ ихъ могилъ?.. Въ Августовскихъ лѣсахъ, у прозрачныхъ Мазурскихъ озеръ, у медленно несущихъ свои воды — рѣкъ Бзуры и Буга, у Сморгони и Вильно, въ широкихъ степяхъ Поволжья и на поляхъ Кубани...

Блестятъ глаза стараго командира, держащаго рѣчь къ сомкнувшимъ ряды Ż-цамъ... — «съ бодрымъ духомъ!» — какъ-бы говорятъ они... И наполняется сердце радостнымъ волненіемъ...

. . . . . .

Буйный вѣтеръ сотрясаетъ мою мансарду, какъ бы желая отвлечь мое вниманіе и нарушить тихую торжественность охватившаго меня душевнаго состоянія. Напрасно. Я берусь за перо; и, во исполненіе параграфа пятаго, только что принятаго устава, начинаю эту книгу.

Боевое крещеніе

Вечерѣло. Ожесточенный бой за обладаніе маленькой польской деревушкой затихалъ.

Первыми притихли злорадно тарахтѣвшіе пулеметы, ибо заманчивыя цѣли въ видѣ ровныхъ длинныхъ цѣпей то въ сѣрыхъ, то въ черныхъ шинеляхъ, уже давно закопались въ землю, не имѣя силъ перешагнуть черезъ завѣтную черту побѣды.

Побѣдителей сегодня не было, и противники, равно уставшіе и изнемогшіе отъ нервнаго напряженія въ бою, постепенно прекращали огонь, и водворявшаяся тишина нарушалась лишь одиночными выстрѣлами любителей пострѣлять, да нѣмецкая артиллерія изрѣдка посылала очереди куда-то вдаль. Ея снаряды, жутко журча, высоко, высоко надъ головой, совсѣмъ далеко разрывались, — такъ не громко и мягко.... Казалось, что нѣмцы кому-то не дослали извѣстной порціи снарядовъ и теперь, подсчитываясь, все ошибались въ расчетѣ и досылали недоданное.

Подъ крутымъ откосомъ обрыва, спускавшагося къ рѣкѣ, пріютилась рота резерва. Около накопанныхъ ямъ и нишъ копошились люди. Ихъ силуэты тѣмъ ярче обрисовывались на фонѣ дого-

рающей за рѣкой деревни, чѣмъ становилось темнѣе. Слышались негромкіе сдержанные голоса и суета.

— Пятая рота, въ ружье! — донеслось громко откуда-то слѣва, и десятки голосовъ, на разные лады повторили: — Пятая въ ружье, пятая собирайсь! —

Передъ глазами зарябили шныряющія фигуры, послышался лязгъ штыковъ, скользившихъ другъ по другу при разборкѣ винтовокъ изъ козелъ... застучали котелки, и отчетливо прозвучали голоса взводныхъ: — Первый взводъ ко мнѣ! второй взводъ стройся здѣсь!

— Ты, чертовъ турокъ, опять винтовку не найдешь... я тебѣ говорю, рожа, сказано, становись, пока карточка цѣла. — Изъ третьяго и четвертаго взводовъ доносились болѣе энергическія выраженія... и не прошло и пяти минутъ, какъ все затихло, и только отдѣльныя фигуры маячили вдоль длинной змѣеобразной линіи роты, построившейся у обрыва, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ — безъ соблюденія особеннаго равненія. Слѣва, откуда донеслась первая команда, вспыхнулъ карманный электрическій фонарикъ, и яркій элипсисъ появившійся на землѣ, сталъ приближаться къ выстроившейся и замершей ротѣ.

— Подпрапорщикъ Ковтунъ, у васъ все готово? — прокричалъ молодой подпоручикъ, двигавшійся съ электрическимъ фонарикомъ.

— Точно такъ, ваше б-діе! — пожалуйте сюда, не упадите только — здѣсь яма... Ишь, черти, нако-

пали норы, — буркнулъ себѣ въ бороду, басомъ, старый подпрапорщикъ, фельдфебель Ковтунъ.

— Рота смирно! Равненіе направо! — вполголоса, но достаточно внушительно и отчетливо скомандовалъ Ковтунъ.

— Стоять вольно! — подалъ команду подошедшій молодой подпоручикъ и фонарикъ погасъ.

Въ этотъ же моментъ, тамъ, откуда только что пришелъ подпоручикъ, вспыхнули два фонаря и два элипсиса, появившіеся на землѣ, рядомъ, мигая, сталкиваясь и перекрещиваясь, поползли къ ротѣ.

— Рота смирно! Равненіе на право! — раздался голосъ подпоручика... и наступила мертвая тишина.

— Все въ порядкѣ? — произнесъ командиръ роты, высокій крупный капитанъ.

— Такъ точно, господинъ капитанъ, — снова послышался голосъ подпоручика.

— Г. г. офицеры, займите ваши мѣста! На ремень! По отдѣленіямъ, за мной, шагомъ маршъ! — скомандовалъ ротный, и на ходу добавилъ: — Курить нельзя.

Впереди всѣхъ шли проводники и ротный командиръ, а за ними, по отдѣленіямъ, плотной угрюмой массой, вся рота — двѣсти сорокъ человѣкъ.

— Будетъ, что-ль, наступленіе на нѣмца? — съ затаенной тревогой вопросилъ чей-то голосъ, обращаясь къ молодому подпоручику, шагавшему на флангѣ третьяго взвода.

— Нѣтъ. Мы идемъ на смѣну первому батальону.

— А вы знаете, Ваше Благородіе, проводники сказывали, что отъ перваго нашего батальона и половины не осталось. Ихъ Высокоблагородіе капитанъ Головкинъ убитъ, командиры третьей и четвертой роты ранеты, двухъ подпрапорщиковъ третьей роты убило, и одного моего земляка изъ Александровскаго убило. А сколько простыхъ — и не счесть, какъ мухи лежатъ побитые.

— Какіе тебѣ мухи, — послышались протестующіе голоса, — хороши мухи! — Нешто мухи люди живые?

— Живые!? — подхватилъ третій.

— Были живые, — да померли.

— «Погибли во славу русскаго оружія» — буркнулъ вмѣшавшійся взводный.

— Ребята! — послышался голосъ ротнаго, остановившагося, чтобы пропустить роту.

— Какъ нѣмецъ наведетъ прожекторъ, — падай и не шевелись! Понятно?!

— Такъ точно, понятно. — Загудѣли голоса.

На косогорѣ появилась головная часть роты, едва различаемая при слабомъ отблескѣ догоравшей впереди деревни.

— Вотъ онъ, нѣмецъ, прожекторъ наводитъ! — невольно воскликнуло сразу нѣсколько человѣкъ, изъ первыхъ поднявшихся на бугоръ.

— Ишь какъ быстро ворочаетъ! —

.... И восклицанія эти замерли, такъ какъ громадной силы лучъ сталъ приближаться къ тому мѣ-

сту, гдѣ показалась рота... Лучъ мигнулъ разъ, — другой и разомъ освѣтилъ всю роту, только что вылѣзшую на бугоръ.

...Что-то крякнуло, зашуршало;... звякнули котелки.... и рота пала ницъ, — какъ одинъ человѣкъ.

Лучъ прожектора остановился и началъ мигать. Наступило гробовое молчаніе.... Молодой подпоручикъ осторожно повернулъ голову, чтобы посмотрѣть, что дѣлается вокругъ.

Его взору представились бѣлыя, искаженныя страхомъ лица, частью глядѣвшія въ сторону отъ нестерпимо ослѣпляющаго свѣта, или уткнутыя въ землю.

— Бахъ, — бахъ, бахъ!... громыхнули выстрѣлы и на горизонтѣ мигнули зарницы ихъ взблесковъ.

Четыре снаряда съ визгомъ пронеслись надъ головами и разорвались гдѣ-то за рѣкой.

Еще мгновеніе... и лучъ пополз дальше.

— Кажись, это не по насъ вдарилъ нѣмецъ, — сказалъ кто-то, очнувшись.

— Это онъ спросоня, дескать, и вы, молъ, не спите, — сказалъ кто-то другой.

— Впередъ!— послышалась команда... и шуршащая масса людей опять двинулась впередъ.

— А далече, намъ итти смѣнять-то? — бросилъ кто-то въ пространство,.... но никто ничего не отвѣтилъ.

—Ваше Б-діе, глядите, наши лежатъ побитые.

Подобрать бы ихъ, да куда понесешь, когда самъ не знаешь, куда себя схоронить. —

Вѣтеръ донесъ теплый запахъ гари Рота спускалась по отлогому скату къ догоравшимъ останкамъ деревни. Внезапно засвѣтившійся прожекторъ озарилъ своимъ ослѣпительнымъ лучемъ роту... и повалилъ ее на землю.

Разъ, два, три, четыре, — громыхнули разрывы шрапнелей...

Ѣдкій запахъ пороха, защекоталъ въ ноздряхъ и жалобные, полные отчаянія голоса завопили:

— Санитаръ! ой, санитаръ!... ой-ой санитаръ.... сюда.... ой-ой санитаръ... скорѣй.... не могу...—

— Рота впередъ! — рѣшительно скомандовалъ ротный...

— Санитаръ!... — жалобно прозвучало позади..

— Тише — тише! прошло по рядамъ....

— Нѣмецъ близко — ...

Впереди подпоручика кто-то споткнулся и мягко шлепнулся въ грязь.

— У, ты, слѣпой дьяволъ; падаешь, такъ штыкъ убери... воронки цѣльной не видишь, —.... прошипѣлъ взводный, помогая выкарабкаться попавшему въ яму.

— Рота стой! — послышалась, наконецъ, команда.

— Какая рота? пятая? Это ты Арсенъ? — послышался голосъ изъ темноты.

— Я, — отвѣтилъ знакомый голосъ ротнаго.

— Пройдемъ ко мнѣ въ подвалъ, я разскажу те-

бѣ все, что нужно, —... вновь донеслось изъ темноты.

— Ваше Б-діе, поглядите, нѣмцы побитые лежатъ, въ каскахъ всѣ;... прямо замѣчательно,.. видно жаркое дѣло было —... слышались удивленные возгласы.....

Изъ окоповъ, начинавшихся у самой деревни и расходившихся перпендикулярно къ дорогѣ въ обѣ стороны — двигались люди съ носилками, и тяжело ступая по пахотному, разбухшему отъ осеннихъ дождей полю, — еле передвигали ноги.

— Командиръ второй полуроты! — раздался голосъ ротнаго.

— Смѣните третью и взводъ четвертой роты, что вправо отъ дороги. —

— Слушаюсь! » отозвался подпоручикъ и двинулся съ полуротой по указанному проводниками направленію.

— Ну, и темь же сегодня, хоть бы нѣмецъ посвѣтилъ чуточку покамѣстъ смѣняться будемъ, — сказалъ шутливый молодой солдатъ 12-го года.

— Ты поскули, поскули, такъ онъ тебѣ засвѣтитъ, — всю жисть съ фонаремъ ходить будешь, — немедленно отозвался другой голосъ.

—Кто идетъ? Какая рота? — вновь разлались оклики... и только теперь стало возможно разглядѣть солдатъ, сидѣвшихъ по ямамъ, — по поясъ глубиной.

— Вы кто будете, — смѣна намъ? — спрашивали сидѣвшіе.

— Смѣна, смѣна, — отвѣчали пришедшіе.

— Ну, боевая третья, вылѣзай! — послышались радостные возгласы.

— Съ насъ будетъ, а вы, братцы, тутъ за насъ побудьте, — говорили вылѣзавшіе и начинавшіе выстраиваться.

— А что, нѣмецъ близко? — вполголоса, какъ бы съ опаской, спрашивали смѣняющіе.

— Близко. — Завтра увидите, — слышались ироническіе отвѣты...

Не прошло и пяти минутъ, какъ заскользившій и заплямкавшій по грязи топотъ сотенъ ногъ возвѣстилъ, что смѣна закончена, и 5-ая рота стала лицомъ къ лицу къ загадочному и суровому врагу.

— Подпрапорщикъ Ковтунъ! — вполголоса обратился къ Ковтуну подпоручикъ.

— Обстановка такова: ни справа ни слѣва — своихъ нѣтъ. Мы смѣнили 1-ый батальонъ, который во время сегодняшняго наступленія опередилъ своихъ сосѣдей. Намъ приказано держаться здѣсь, во что бы то ни стало. —

— Такъ точно. — Убѣжденно вставилъ Ковтунъ.

— Нужно сейчасъ выслать секреты и, хорошо было бы, вправо выдѣлить полевой караулъ, — отдавалъ свои первыя боевыя распоряженія молодой подпоручикъ.

— Не извольте безпокоиться, все уже выставлено; я вотъ, только управлюсь, пойду. на нихъ погляжу и обязанности поспрошу-съ. Вы Ваше Б-діе, не извольте безпокоиться; солдаты все надежные, сами вызываются въ секретъ. «Хотимъ, — говорятъ

— видѣть германца». — Вамъ, Ваше Б-діе, я приказалъ принести соломы въ блиндажъ. Блиндажъ, правда, одинъ смѣхъ — всего ставней накрытъ... да какъ-нибудь до утра досидите, а тамъ Богъ дастъ впередъ,... а нѣтъ, такъ прикажу сдѣлать по наставленію. —

— Спасибо, дорогой, — ласково, и совсѣмъ не по начальнически, отвѣтилъ подпоручикъ.

— Спать я не буду, меня всегда можно будетъ найти здѣсь. Нашъ ротный будетъ находиться въ деревнѣ, а первая полурота, съ подпоручикомъ Богдановымъ — въ окопахъ по другую сторону деревни.—

— Такъ точно, все понятно — одобрительно заявилъ Ковтунъ.

— Вотъ она и война. — Отходя отъ Ковтуна, произнесъ про себя подпоручикъ, вглядываясь въ ночную темноту.

— Неужели будетъ опять дождь? Вотъ будетъ скверно... — разсуждалъ самъ съ собою подпоручикъ. Онъ медленно, какъ-бы въ раздумьи, поднялъ руку, вытянулъ кисть изъ подъ обшлага и посмотрѣлъ на часы со свѣтящимися стрѣлками...

— Только одиннадцать!.. до разсвѣта еще далеко. — Откуда то изъ ближайшей ямы уже раздавался храпъ.

— Неужели здѣсь, подъ дождемъ, въ сырости, подъ открытымъ небомъ, можно спать? — задалъ себѣ вопросъ подпоручикъ. — Мнѣ кажется, я-бъ не заснулъ.

Обойдя роту и найдя все въ порядкѣ, подпору-

чикъ тихо спустился къ себѣ въ нору, чтобы укрыться отъ холоднаго вѣтра.

— Ты будешь ѣсть концерты? а то я открою, — спрашивалъ одинъ солдатъ другого, черезъ часъ послѣ смѣны.

— Эхъ-бы картошки сварить, вотъ было-бы дѣло! Я сбѣгаю пошукаю по халупам, навѣрное чтось осталось...

— Не смѣть оставлять роты! Я тебѣ пошукаю, — грозно произнесъ подпоручикъ, невольно подслушавшій разговоръ, высовываясь изъ норы.

— Ты соображаешь, — продолжалъ онъ, что если вся рота, такъ-же, какъ ты, пойдетъ по деревнѣ шукать картошку, то нѣмцы заберутъ насъ голыми руками. — Голоса притихли... и только мѣрное похрапываніе ближайшихъ людей нарушало установившуюся ночную тишину.

— Ну, кажется, и я заснулъ. — Дрожа мелкой дрожью и вытягиваясь, произнесъ очнувшійся подпоручикъ.

— У-у-у-у-а-хъ! какъ сыро. Какая мерзость эта осенняя слякоть и этотъ дождь сквозь сито. Слава Богу, скоро свѣтаетъ. Нужно посмотрѣть, что съ ротой.

Рота спала. Бодрствовали только часовые, секреты и дозоры. Моросило... и пронизывающій вѣтеръ проникалъ, чуть не до костей... Но вотъ сумракъ ночи началъ проясняться. Сначала изъ тумана обозначилась линія нашихъ одиночныхъ окоповъ, затѣмъ стали вырисовываться контуры сгорѣвшей деревни. Это были жиденькія, безлиственн-

ныя деревья, цѣлая вереница дымовыходныхъ трубъ и 6-7, чудомъ уцѣлѣвшихъ халупъ. Дальше выяснилось, что позиція роты совершенно изолирована и какъ-бы въ нерѣшительности остановилась почти у самаго конца пологаго ската, спускающагося къ широкой лощинѣ.

Вотъ туманъ разсѣялся настолько, что стало видно и нѣмецкое расположеніе. Этого, повидимому, ждалъ нашъ подпоручикъ, который, высунувшись изъ своей норы старался разсмотрѣть въ бинокль нѣмецкое расположеніе.

Теперь стало возможнымъ разсмотрѣть и его обликъ. Это былъ высокій, стройный, худощавый, но мускулистый юноша 20-22 лѣтъ, не имѣвшій въ лицѣ своемъ ничего замѣчательнаго: оно не было красивымъ и не было безобразнымъ; въ немъ не отражались какія либо сильныя страсти. Каріе глаза смотрѣли спокойно, не выдавая волненія отъ несомнѣннаго интереса къ впервые обнаруженному противнику. Движенія всѣ были неторопливы, увѣренны, но безъ всякой претензіи на позировку. Одѣтъ онъ былъ по формѣ: въ сѣрую солдатскую шинель съ погонами, на которыхъ красовались двѣ звѣздочки и кованный вензель царствовавшаго Государя.

Погоны, даже теперь, въ столь незаурядной обстановкѣ, составляли предметъ его особаго вниманія, такъ какъ онъ только что досталъ платокъ и тщательно вытеръ вензель лѣваго погона, къ которому прилипъ комокъ обвалившейся земли. На немъ было офицерское снаряженіе: поясъ съ на-

плечными ремнями, шашка, револьверъ, большая полевая сумка, разстегнутый уже футляръ бинокля... и великолѣпный «Цейсъ», висѣвшій на ремешкѣ черезъ шею.

Остается добавить, что на головѣ у него молодцевато сидѣла защитнаго цвѣта фуражка съ офицерской кокардой и опущеннымъ на подбородокъ ремешкомъ, а ноги были обуты въ сапоги изъ черной кожи, доходившіе ему чуть выше колѣнъ, чтобы получилось довольно типичное изображеніе одного изъ тѣхъ молодыхъ русскихъ офицеровъ, которые тысячами стояли въ это холодное сентябрьское утро на всей необъятной границѣ Россійской Имперіи, обозначавшейся сейчасъ не географическими и этнографическими рубежами, а доблестью арміи, ея духомъ, дисциплиной, выучкой и прочими неотъемлемыми качествами, которыми такъ сильна была въ то время Россія, имѣвшая впереди, на защитѣ своихъ границъ и чести — все здоровое, честное и мужественное.

Подпоручикъ увидѣлъ фигуры въ черныхъ шинеляхъ, повылѣзавшія изъ нѣмецкихъ окоповъ, что были не дальше 400 шаговъ. Фигуры эти стояли, потягиваясь, куда-то уходили и неторопливо снова возвращались.

Наши. также понемногу начали вылѣзать изъ своихъ норъ и глазѣть на нѣмцевъ...

— Ваше Б-діе, разрѣшите открыть огонь. — Заявилъ подпрапорщикъ Ковтунъ, вынырнувшій, какъ изъ подъ земли. — Война, такъ война. Прицѣлъ тутъ самый «постоянный», — Янулисъ нашъ,

сами знаете, Ваше Б-діе, какой онъ стрѣлокъ, и тотъ не промажетъ, а для германца все-же потеря.

— Да, собственно, слѣдовало-бы, — подумалъ подпоручикъ, убѣжденный логичностью доводовъ своего подпрапорщика, и вмѣсто отвѣта скомандовалъ:

— Не вылѣзать изъ окоповъ! Приготовиться!

Какъ лягушки попрыгали въ окопы открыто стоявшіе наверху люди, какъ ужаленные вскочили еще спавшіе, и цѣлая сотня головъ вдругъ высунулась изъ ямъ... Защелкали затворы... и наступила грозная тишина.

— По противнику!.. Постоянный!.. Полурота!.. Часто!.. Начинай!!. — отчетливо скомандовалъ подпоручикъ и поднесъ къ глазамъ Цейссовскій бинокль.

Еще не замеръ послѣдній звукъ команды, какъ кто-то уже успѣлъ спустить курокъ... и нелѣпое и рѣзкое «тахъ!» нарушило тишину начинающагося дня.

Не успѣлъ каждый выпустить по одной пулѣ, какъ и съ нѣмецкой стороны застучали выстрѣлы, не слышно стало, вдругъ, своего собственнаго голоса... и поле совершенно обезлюдѣло.

Перестрѣлка начинала разгораться.

Не взирая на то, что ничего и никого, казалось, не было видно, сразу же справа передали:

— Ваше Б-діе, Карпенку ранило — кончается... въ голову попали, черти.

Два нѣмца, съ котелками въ рукахъ, появились вдругъ за своимъ окопомъ, спѣша укрыться въ

немъ съ приготовленной ѣдой... но два мѣткихъ выстрѣла съ нашей стороны — уложили ихъ на мѣстѣ.

Но вотъ въ дѣло вмѣшалась нѣмецкая артиллерія. Десятки гранатъ съ гнетущимъ скрежетомъ и ужаснымъ воемъ стали рваться то тутъ, то тамъ, вздымая фонтаны земли и грязи, а пронзительно свистящая шрапнель, тысячами пуль засыпать сверху.

Солдаты какъ-то сразу съежились и присмирѣли.

— Ваше Б-діе, а гдѣ-же наша антилерія? Чего она не стрѣляетъ? Глядите! Нѣмцы повылѣзали. Они насъ не боятся, а мы имъ ничего не можемъ сдѣлать... — жаловались ближайшіе сосѣди слѣва и справа.

Положеніе роты становилось критическимъ. Люди свернулись клубками въ своихъ ямкахъ, затаивъ дыханіе... Надъ ними рвалась шрапнель, не давая возможности высунуть головы.

— Смотрите, братцы, чтобы нѣмецъ не бросился въ атаку! Держи винтовки наготовѣ! Всѣмъ зарядить винтовки!.. — наставлялъ подпоручикъ и видно было, что приказаніе это всѣми понято и исполнено.

Моросившій дождь обратился въ мелкую, холодную крупу, и временами поле начинало даже бѣлѣть... но крупа переходила снова въ дождь, и все опять окутывалось сѣрой, промозглой сыростью поздней сентябрьской осени.

— Ваше Б-діе, разрѣшите я сбѣгаю къ ротному,

доложу, чтобы передали батарейцамъ, чтобы они насъ поддержали; — обратился къ подпоручику рядовой Зубковъ.

— А то, глядите — онъ указалъ рукой — кого-то изъ 4-го взвода изъ окопа выкинуло... Вонъ лежитъ. Этакъ насъ всѣхъ перебьютъ

— Санитаръ! санитаръ! — раздались вдругъ тревожные крики изъ 3-го взвода... — Санитаръ!

Видно было, какъ санитаръ на корточкахъ подползъ къ кричавшему, но вдругъ тяжело рухнулъ и замеръ.

— Ваше Б-діе, я сбѣгаю доложу, — напомнилъ о себѣ Зубковъ. — Ну, Богъ съ тобой; иди! — отвѣтилъ подпоручикъ, ободряюще кивнувъ головой.

Зубковъ, вызвавшійся оповѣстить артиллерію, снялъ фуражку, набожно перекрестился и, торопливо кинувъ — прощайте, Ваше Б-діе. — выскочилъ изъ своей ямки и опрометью бросился бѣжать по направленію къ деревнѣ.

Вдругъ онъ какъ-бы споткнулся, нелѣпо взмахнулъ руками и упалъ въ свѣжую воронку отъ гранаты.

У подпоручика, видѣвшаго эту картину захолонуло сердце, и онъ тотчасъ-же увидѣлъ, какъ къ воронкѣ, изъ которой торчали ноги упавшаго Зубкова, ползетъ его отдѣленный Козловъ. Козловъ скрылся въ воронкѣ и черезъ минуту высунулъ оттуда голову...

— Скончался, — передалъ онъ ротѣ, снимая фуражку и творя крестное знаменіе.

Маленькія струйки дождя то и дѣло скатыва-

лись со ставни, служившей подпоручику «блиндажемъ», на стѣны, то попадали на шинель, на солому, подосланную подпрапорщикомъ Ковтуномъ, а мелкія брызги, какъ назойливыя мухи, попадали въ лицо, стряхивались, попадали вновь и, наконецъ, вытирались носовымъ платкомъ.

— Это не война, — думалъ подпоручикъ.

— Чего насъ держатъ здѣсь безъ всякой пользы: ни впередъ, ни назадъ, ни высунуться, ни повернуться... Не вырыть ли сплошной окопъ? Тогда можно будетъ хоть сообщаться, — все таки легче станетъ... Нужно сдѣлать настоящій окопъ...

Съ этими мыслями онъ приподнялся и зацѣпилъ головой полотнище палатки, наброшенное поверхъ ставни. Собравшаяся въ складкахъ полотнища вода, неожиданно, вдругъ, вылилась ему на затылокъ и тѣмъ самымъ косвенно повліяла на уже принятое рѣшеніе.

— Гдѣ въ такой грязи копаться, — мучить людей, — подумалъ онъ.

— Развѣ прокопаешь почти полъ версты нашими шанцевыми малыми лопатами? Конечно, не стоитъ. Сизифова работа. Ну ее къ чорту! Потерпимъ и такъ; да и не будемъ-же мы тутъ стоять цѣлую вѣчность... — Шли часы, а положеніе не мѣнялось. Нѣмцы поддерживали огонь, рота притаилась, сумрачно молчала и съ каждымъ часомъ все больше и больше теряла вѣру въ свои силы. Уже не слышались больше шутки и разговоры... Кто сосредоточенно затягивался цыгаркой, кто безсмы-

сленно жевалъ корку черстваго хлѣба... и никто уже не высовывался, чтобы пострѣлять...

Происходила незримая «сдача инишіативы», — тотъ психологическій переломъ, который рѣшаетъ исходъ сраженія въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ еще дерзаетъ.

Это ясно понималъ молодой подпоручикъ, но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, маленькимъ и жалкимъ.

— Хоть бы скорѣе ночь, а съ нею покой, конецъ этой ужасной стрѣльбѣ и этому томительному ожиданію ежеминутной смерти... а тамъ навѣрно придетъ и смѣна... Вѣдь нельзя же вторые сутки провести въ такой обстановкѣ... — Вотъ о чемъ думалъ онъ.

Стемнѣло. Дождь все моросилъ и какъ бы гасилъ всякія надежды.

Смѣна не пришла.

Нѣсколько нестроевыхъ притащили на плечахъ въ мѣшкахъ немного хлѣба и сахара. Они-же объявили, что кухни не подойдутъ — обоза нѣтъ.

Наступила желанная ночь, вторая ночь... еще болѣе нудная и безконечная.

Въ ямѣ сидѣть уже было хуже, чѣмъ ходить по верху... а въ сущности и то, и другое было одинаково незавидно...

— Когда-же окончится эта ночь? — слагалось въ головѣ подпоручика.

— Ваше Б-діе, разрѣшите мнѣ сбѣгать въ халупу погрѣться, у меня худые сапоги, — совсѣмъ озябъ, хоть портянки высушу. — умоляюще обра-

тился подошедшій рядовой изъ запасныхъ... — Дозвольте?! —

— Иди, только возвращайся поскорѣй.

— Покорнѣйше благодарю! — произнесъ проситель и скрылся въ ночной темнотѣ.

Въ этотъ же моментъ донесся плямкающій звукъ шаговъ, приближающійся съ нѣмецкой стороны.

Подпоручикъ насторожился и отстегнулъ крышку кобуры.

— Кто идетъ?! — раздался окликъ.

— Свои. Плѣнныхъ ведемъ. Это мы — Сазоновъ и Голицынъ, — раздались голоса, съ ясно сквозившими радостными, горделивыми нотками.

Трофей окружили любопытные солдаты.

— По мѣстамъ!.. По мѣстамъ!.. — приказалъ подпоручикъ.

— А вы, — обратился онъ къ Голицыну и Сазонову, — отведите плѣнныхъ къ ротному, а потомъ съ ними-же прогуляйтесь въ штабъ полка, — и, подумавъ, прибавилъ:

— Въ награду — три часа на обсушку.

— Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Б-діе! — радостно воскликнули оба, ибо обсушиться и попить чайку теперь было мечтою каждаго.

— Позвать ко мнѣ подпрапорщика! — приказалъ подпоручикъ.

— Господинъ подпрапорщикъ, васъ требуетъ полуротный!.. — ушло въ темноту... И черезъ минуту подпрапорщикъ Ковтунъ уже стоялъ передъ под-

поручикомъ въ почтительной позѣ, поправляя съѣхавшую на животъ кобуру.

— Чего изволите, Ваше Б-іе? —участливо вопросилъ Ковтунъ.

— Я пройду на минутку къ ротному, а вы останьтесь здѣсь за меня и присмотрите.

—Слушаюсь! Не извольте безпокоиться, — прозвучалъ знакомый басъ.

***

Ротный командиръ встрѣтилъ подпоручика сурово.

— Вы почему оставили своихъ людей? — грозно спросилъ онъ, подавая руку.

— У васъ, навѣрно, есть какія нибудь серьезныя причины?

— Никакъ нѣтъ, господинъ капитанъ, — смущенно отвѣтилъ подпоручикъ.

— Я пришелъ узнать, когда будетъ намъ смѣна: люди совсѣмъ перемерзли и промокли — всѣ дрожатъ.

— Смѣна прійдетъ своевременно. Вамъ нечего объ этомъ безпокоиться.

— А неизвѣстно, долго-ли мы будемъ здѣсь стоять? — какъ-то машинально спросилъ подпоручикъ, а самъ подумалъ: — чего я задалъ такой глупый вопросъ?

— Чего вы меня объ этомъ спрашиваете? Стоять мы будемъ здѣсь ровно столько, сколько нужно, ни одной минутой больше, ни одной минутой меньше. Больше у васъ нѣтъ никакихъ вопросовъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Тогда до свиданья. Потрудитесь не оставлять полуроту безъ приказанія. Вы подаете дурной примѣръ вашимъ подчиненнымъ...

***

Наступилъ и прошелъ третій день и третья ночь такъ, какъ обыкновенно въ сводкахъ отмѣчалось:

«Безъ перемѣнъ».

Подошла и четвертая ночь, — четвертая ужасная ночь. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Окопчики по щиколотку наполнились водой. Солдаты то и дѣло черпали воду и жидкую грязь котелками и плескали ее за брусверъ.

Этими звуками расплескиваемой воды, стукомъ котелковъ и мѣрнымъ паденіемъ дождя нарушалась ночная тишина.

Днемъ опять былъ обстрѣлъ. Двухъ убило, семерыхъ ранило. Убитые лежали въ грязи и мокли. Раненыхъ унесли.

Подпоручикъ сидѣлъ въ своей ямѣ молчаливо. Угрюмыя мысли давили его мозгъ и доводили его до отчаянія.

— Какой ужасъ, эта война, — думалось ему. — И зачѣмъ я пошелъ на военную службу? Почему она меня такъ привлекала и даже эта самая война казалась такой заманчивой и интересной?

А если бы я не былъ военнымъ — тогда?

Тогда бы мнѣ тоже пришлось быть на войнѣ и въ такомъ-же положеніи, — невольно приходилъ отвѣтъ.

— Но почему же мы сидимъ здѣсь и мокнемъ,

какъ губки, и безнаказанно разстрѣливаемся? — вставалъ другой вопросъ.

— Какъ это хорошо выходило у Румянцева, Суворова и Паскевича... Они ходили, разбивали, брали въ плѣнъ... торжествовали. А мы... сидимъ. А главное, мы сидимъ, а насъ разстрѣливаютъ.

Но вѣдь извѣстно, что и Румянцеву и Суворову и другимъ приходилось быть и подъ такимъ дождемъ и въ такой слякоти... На Альпахъ тоже, вѣдь, было холодно и, навѣрно даже куда тяжелѣе, а все пройдено и пройдено со славой. Вотъ эти проклятые нѣмцы — имъ хорошо! Какъ ихъ поддерживаетъ артиллерія — въ обиду не даетъ никакъ. Къ нимъ не подойти.

Сколько наложили они изъ нашего 1-го батальона, — страшно подумать... Почему-же они тогда сидятъ? Вотъ это, дѣйствительно, не понятно. Будь мы въ такомъ положеніи, какъ они, мы-бы ихъ загнали за границу въ одинъ пріемъ... А вѣдь и они выплескиваютъ воду такъ-же, какъ и мы, — я самъ вчера видѣлъ...

И правъ Великій Суворовъ, учившій солдатъ, говоря: — «Если намъ тяжело, то и непріятелю не легче»...

Этотъ афоризмъ подѣйствовалъ на подпоручика успокаивающе и онъ даже улыбнулся.

Прошло еще два часа. Навязчивыя мысли стали возвращаться еще болѣе дерзкими, еще болѣе настойчивыми. На нервы дѣйствовало, почему-то особенно — намокшія колѣни брюкъ. Шинель уже давно намокла и набухла такъ сильно, что стѣсняла

дыханіе... Хотѣлось встать и бѣжать... бѣжать обсушиться, хотѣлось заснуть... хотѣлось покоя...

— Хотя-бы ранило меня, вотъ было-бы счастье: лазаретъ, тепло, чистое бѣлье, вкусная пища, почетъ... и жизнь со всѣми ея прелестями...

И тутъ-же приходило въ голову само собой: — какой же я подлецъ.

— Что было-бы, если всѣ думали такъ и старались уйти? — Кто бы воевалъ?.. Кто обязанъ подавать примѣръ? — Мы, кадровые офицеры... это наша профессія... Государство насъ даромъ учило... намъ платило жалованье... мы приняли присягу... Наконецъ, я служу въ полку, въ которомъ предки мои совершали легендарные подвиги, не считаясь ни съ погодой, ни съ временемъ, ни съ численностью врага... они были герои духа и долга... — Нѣтъ, — лучше не думать.

Часы тянулись мучительно медленно. До разсвѣта оставалось два часа.

Сидѣть стало невыносимо. Хотѣлось встать, но ноги затекли и ныли... — Слава Богу, кажется ревматизмъ... это предлогъ... я больше не могу.. пойду доложу ротному, что заболѣлъ...

И вдругъ потъ выступилъ у него на лбу...

— Ревматизмъ?!. болѣть въ такое время?.. вы опять оставили свое мѣсто? — скажетъ ротный командиръ, а, можетъ быть, добавитъ: — вы позорите полкъ, уходите, —такіе офицеры намъ не нужны... Гдѣ-же выходъ?

— Ваше Б-діе, хотите сахару съ хлѣбомъ? — прозвучалъ басъ Ковтуна, — вы, сказываютъ, ни-

чего не ѣли. Тутъ у меня завалялось яичко, — сказалъ онъ, просовывая все въ дыру.

— Спасибо, дорогой, мнѣ не хочется, — отвѣтилъ подпоручикъ, мягко отстраняя руку.

— Ваше Б-діе, вы ѣшьте, все-же легче на душѣ будетъ. Я положу все сюда, — сказалъ онъ, укладывая что-то, подъ ставню... и опять наступила тишина.

— Нѣтъ! Довольно! Прочь всѣ мысли!

— Нужно терпѣть, нужно взять себя въ руки. Почему Ковтунъ ни на что не жаловался, почему онъ всегда такой ровный и вѣчно бодрый?.. Потому, что онъ военный, а я нѣтъ.

— Боже! Укрѣпи мою волю, дай мнѣ силъ перенести испытаніе! Спаси меня отъ позора и безчестія!.. — Съ этими словами, вырвавшейся молитвы, подпоручикъ встрѣтилъ разсвѣтъ.

— Ваше Б-діе, нѣмцы!!! Глядите! Глядите!... — Изъ нѣмецкихъ окоповъ вылѣзали фигуры въ черныхъ шинеляхъ и быстро выстраивались.

— Ну, ребята, приготовсь! — скомандовалъ, мгновенно овладѣвшій собой подпоручикъ, и глаза его засвѣтились непоколебимой рѣшимостью.

— Ваше Б-діе, гляди, какая масса претъ! — воскликнулъ Сазоновъ.

... — Постоянный!.. Часто — начинай!!! — скомандовалъ подпоручикъ.

Порывисто шли нѣмцы. Артиллерія наша, почему-то не стрѣляла. Пулемета при ротѣ не было, и приходилось расчитывать только на свои собственныя силы.

... Лихорадочно работали затворы. Сотнями вылетали стрѣлянныя гильзы... а нѣмцы шли твердо и ровно... даже не видно было, несли-ли они потери. Ихъ было такъ много, что казалось, что рота будетъ стерта съ лица земли.

Рота развила максимальный огонь Затрещало и справа и слѣва, забухала артиллерія и все слилось въ сплошной гулъ.

Вдругъ нѣмцы бросились въ атаку..

— Ребята, не робѣй! — донесся могучій голосъ Ковтуна.

— Не робѣй, ребята! —громко прокричалъ подпоручикъ, съ мрачной рѣшимостью извлекая шашку.

Тутъ только онъ замѣтилъ, какъ рухнули сразу четыре впереди бѣжавшихъ нѣмца.

— Наша беретъ! — воскликнулъ онъ.

— Наша, наша беретъ!.. — прокатилось по цѣпи. Одинъ за другимъ падали нѣмцы. Ряды ихъ разорвались... Кто бѣжалъ назадъ, кто безпомощно лежалъ въ грязи...

... Атака была отбита...

— «Если намъ тяжело, то и непріятелю не легче»... — еще разъ вспомнились слова великаго Суворова и подпоручикъ гордо стоялъ по щиколотку въ водѣ, мокрый и голодный, но упоенный всепоглощающей побѣдой...

. . . . . .

А черезъ часъ по цѣпи радостно пролетѣло:

— Вечеромъ придетъ смѣна!

„Молекулярная" работа

... «Лучшія идеи и распоряженія обращаются въ ничто, если въ арміи отсутствуетъ «молекулярный» героизмъ...»

(ген. Н. Н. Головинъ).

На опушкѣ большого мрачнаго лѣса кипѣла лихорадочная работа. Тысячи лопатъ, какъ когти громаднаго чудовища, врывались въ землю все глубже и глубже, впиваясь въ корни недоумѣвающихъ сосенъ; и начинало казаться, — нѣтъ уже силы, которая могла-бы оторвать это чудовище, зацѣпившееся за опушку, иначе, какъ не вывернувъ весь лѣсъ...

Это закрѣплялъ за собой, только что взятую у нѣмцевъ позицію, — славный Ż-скій полкъ.

Если на опушкѣ лѣса кипѣла жизнь, или, вѣрнѣе, шла борьба за ея сохраненіе, то въ глубинѣ его царили смерть и страданія.

Здѣсь тоже кипѣла работа: санитары съ фонарями и носилками, усиленные частями резерва, отыскивали и выносили раненыхъ и складывали рядами убитыхъ. Количество первыхъ съ каждой мину-

той все уменьшалось, зато количество вторыхъ, все возрастало.

Убитые лежали длинными шеренгами, ожидая, когда будетъ готова для нихъ братская могила, въ этомъ неожиданномъ для нихъ мѣстѣ послѣдняго упокоенія... А изъ лѣса, со всѣхъ сторонъ, ихъ все несутъ и несутъ, горбатые силуэты солдатъ, сгибающіеся подъ тяжестью несомыхъ ими тѣлъ, у которыхъ такъ жалко и безпомощно висятъ безжизненныя руки...

Но не будемъ задерживаться въ этомъ печальномъ мѣстѣ... Здѣсь слышны стоны раненыхъ... Здѣсь слышны циничные разговоры санитаровъ, спорящихъ о сапогахъ и шинеляхъ у не остывшихъ еще тѣлъ... Здѣсь снимаютъ съ убитыхъ кошельки, кольца, часы и разныя цѣнныя вещи. Здѣсь тяжело...

Подойдемъ къ опушкѣ и посмотримъ, что дѣлается тамъ съ людьми, вышедшими живыми изъ этого кошмарнаго боя и ждущими новаго, къ которому они такъ лихорадочно готовятся.

На опушкѣ свѣтло, какъ днемъ. Луна полнымъ своимъ и равнодушнымъ ко всему ликомъ смотритъ съ высоты безоблачнаго прозрачнаго неба на рѣдкую картину....

— Пройдемъ туда... тамъ все таки свѣтлѣе... и дышется какъ-то легче...

. . . . . .

Сегодняшняя побѣда Ż-цевъ была не изъ тѣхъ, сюжеты которыхъ, обыкновенно, вдохновляютъ ба-

тальныхъ живописцевъ: въ ней не было красокъ и захватывающихъ моментовъ борьбы — за знамя, за орудіе... Не видно и трубача, стоящаго рядомъ съ знаменщикомъ, водрузившимъ побѣдное знамя, на взятомъ непріятельскомъ укрѣпленіи, видимомъ со всѣхъ концовъ поля битвы. У Ż-цевъ не было даже того ощущенія, которое бываетъ, обыкновенно, у побѣдителей — днемъ, когда имъ удалось уже дойти и переступить черезъ какую-то невидимую черту поля, послѣ чего ружья противника перестаютъ стрѣлять, или стрѣляютъ вразбродъ, не нанося пораженій... Когда руки пѣхоты поднимаются, невидимыми магнитами кверху... и отливаетъ кровь отъ лицъ... Когда на батареяхъ подаются передки... и когда безлюдное поле, только что стонавшее и содрогавшееся отъ гула разрывовъ и стрѣльбы — вдругъ затихаетъ и покрывается бѣгущими людьми.

Они не испытали сегодня того захватывающаго чувства, которое является слѣдствіемъ перечисленныхъ слагаемыхъ, и называется торжествомъ побѣдителя, они не пережили сегодня этого сладкаго, окрыляющаго чувства... Этого всего сегодня не было.

Было что-то другое... Не такое яркое и захватывающее, не такое осязательное, но не менѣе значительное, а именно:

Ошеломленный противникъ, торжествовавшій уже свою побѣду, какъ-то разсѣялся по лѣсу, и, если-бы не лежавшія повсюду его тѣла и снаряженіе, можно было думать, что онъ испарился...

«Девятый валъ» не разрушилъ русской плотины... Въ ближайшемъ тыловомъ городѣ, у самаго лучшаго зданія его, солдаты штаба корпуса торопливо снимали съ грузовиковъ и легковыхъ автомобилей, ящики, сундуки и вещи и водворяли ихъ на прежнія мѣста... пришедшіе въ себя чины штаба приступали къ обычной работѣ... корпусный командиръ и начальникъ его штаба вновь получили возможность склониться надъ картой, и на томъ мѣстѣ, гдѣ значился «Мрачный лѣсъ», въ которомъ закрѣплялись Ż — цы, — водрузить соотвѣтствующій флажокъ;... интенданты во время задержали солдатъ, лѣзшихъ съ бидонами керосина на горы мѣшковъ съ сахаромъ, мукой и разнымъ казеннымъ имуществомъ, осужденнымъ на гибель... по проводамъ неслись телеграммы... и на утро обыватель, разворачивая свѣжій номеръ газеты, съ разочарованіемъ читалъ сообщеніе Штаба Верховнаго Главнокомандующаго (всего лишь), гласящее:...

«Противникъ, обрушившійся большими силами на наши позиціи у «Мрачнаго лѣса», имѣлъ временный успѣхъ. Подошедшими резервами положеніе возстановлено. На прочихъ фронтахъ безъ перемѣнъ».

...И только много лѣтъ спустя, суровый и безпристрастный историкъ, окруженный папками съ документами и книгами на нѣсколькихъ языкахъ,... могъ записать о дѣлѣ Z-цевъ въ лежащій передъ нимъ листъ бѣлой бумаги — «золотыя» слова:
... «Прорывъ частей нашей ** дивизіи у «Мрачнаго

лѣса» поставилъ части N-го корпуса въ тяжелое положеніе, грозившее неисчислимыми послѣдствіями лѣвому флангу, такой-то арміи. Вызваный изъ резерва Z-ій пѣхотный полкъ стремительной атакой смялъ противника и спасъ положеніе»...

***

Вотъ и спасители положенія:...

Подпрапорщикъ, фельдфебель Шапка, озабоченъ. Большія потери. Обстановка не понятна, и возможность контръ-атаки противника не исключена. Ему порученъ лѣвофланговый участокъ его роты. Онъ медленно идетъ вдоль окапывающейся цѣпи, слѣва направо, подмѣчая опытнымъ взглядомъ рѣшительно все;... даетъ указанія, наводитъ порядокъ, и на ходу творитъ судъ и расправу:

— Это ты что же, Пинчукъ? Гдѣ это ты себѣ позицію строишь? — остановился онъ передъ ямой, въ которой рылся какой-то солдатъ, ушедшій по поясъ въ землю.

— Ты бы, вонъ еще, пошелъ бы въ лѣсъ; тамъ бы тебѣ еще удобнѣе было, никто бы тебя и не нашелъ. — иронизировалъ Шапка.

— Это кто это тебя училъ, «турка», такъ окопы, въ затылокъ другъ-дружкѣ строить? Куда это ты стрѣлять собрался?... Самойленкѣ въ.... что-ли? Я тебя спрашиваю, али нѣтъ? Чего ты стоишь, какъ идолъ каменный? Вылазь-ка, братъ!... Чемойданъ нѣмецкій, онъ тебя вездѣ сыщетъ; не прячься другъ, за чужія спины... Подь на мѣсто.... сказалъ онъ почти что нѣжно, умиротворяюще и

«родительскій» кулакъ тяжело, но безъ злобы, опустился на шею Пинчука.

Ухищренія Пинчука лопнули, какъ мыльный пузырь. Онъ принужденъ былъ съ удвоенной энергіей врываться въ землю рядомъ съ Самойленко, оказавшись на открытомъ мѣстѣ, гдѣ частенько пролетали пули, съ оглушительнымъ трескомъ впивавшіяся въ близъ стоящія сосны.

— Ты, братъ, рано спать завалился. — остановился Шапка у новой ямки, на днѣ которой прикурнула сѣрая фигура.

— Ну, ты! соня! — спокойно и дѣловито говорилъ Шапка, балансируя на лѣвой ногѣ и расталкивая носкомъ правой спящаго, и видя, что тотъ не шевелится, спускается къ нему самъ...

— Господи, Твоя воля! — произноситъ онъ черезъ нѣсколько секундъ, устремляя глаза къ небу, снимая фуражку и творя крестное знаменіе....

И луна мягко освѣщаетъ своими холодными лучами его обстриженную бобрикомъ голову, пріятное, широкое русское лицо съ расчесанной надвое бородой и отражается двумя крохотными блестящими точками въ его добрыхъ карихъ глазахъ.

Сѣрая фигура, младшій унтеръ-офицеръ Колпаковъ былъ мертвъ. Пуля угодила ему въ глазъ и минуту спустя, когда Колпакова отнесли въ глубь лѣса, на днѣ его ямки сиротливо осталась лежать его фуражка, у большого темнаго сгустка крови...

***

— Подпрапорщикъ, Шапка! — пожалуйста, ос-

мотрите у васъ, на лѣвомъ флангѣ, винтовки. Я сейчасъ перепробовалъ тутъ пять-шесть винтовокъ — ни одна не стрѣляетъ... всѣ позабивали пескомъ, «черти». Пусть протрутъ затворы. — произнесъ командиръ роты, поручикъ Буровъ, обходившій роту такъ же, какъ подпрапорщикъ Шапка, только справа налѣво.

— Ты прости меня, Коля, что я тебя задержалъ, теперь я въ полномъ твоемъ распоряженіи, — обратился Буровъ къ стоявшему подлѣ него командиру слѣдующей, по номеру, роты его батальона, ожидавшему съ нетерпѣньемъ конца разговора Бурова съ подпрапорщикомъ Шапкой.

—Что скажешь, Коля? — говорилъ Буровъ, беря подъ руку поручика Звѣрева и уводя его вглубь лѣса.

— Вотъ что, — началъ Звѣревъ.

— Я пришелъ къ тебѣ посовѣтоваться, какъ поступить въ одномъ, очень щекотливомъ и непріятномъ случаѣ. Я, какъ тебѣ извѣстно, стою въ батальонномъ резервѣ, какъ разъ за промежуткомъ между твоей и Мишиной ротой. Полчаса тому назадъ приходитъ ко мнѣ подпрапорщикъ Кисель и, неловко заминаясь, отзываетъ меня въ сторону. Оказывается, что же! Нашъ Миша «пончикъ» — сдалъ, нервы его расшалились, и онъ сидитъ у себя въ ротѣ, дрожитъ, какъ осиновый листъ, и потерялъ совсѣмъ голову.

— Вотъ чертовъ «пончикъ» — невольно вырвалось у Бурова.

— Это же скандалъ! Позоръ! А кромѣ того,

это малодушіе можетъ очень печально кончиться и для него, а главное, для полка.

— Я, братъ, того же мнѣнія; потому-то я и пришелъ къ тебѣ, — упавшимъ голосомъ произнесъ Звѣревъ.

— Главное, если будетъ контръ-атака, за его роту нельзя будетъ поручиться. Наши солдаты безъ офицера — это нуль, толпа, — величина отрицательная.

— Да, безъ няньки они обойтись не могутъ, — согласился Буровъ.

— Нужно какъ-то сдѣлать, чтобы и Мишѣ не повредить, вѣдь онъ славный, «пончикъ», и выйти изъ глупаго и опаснаго положенія.

— Я уже думалъ, — продолжалъ Звѣревъ, — смѣнить его роту своей, но самъ понимаешь, безъ Генриха Антоновича, нашего баталіонера, этого сдѣлать нельзя, а объяснять ему, въ чемъ дѣло, никакъ не хочется.

— Послушай, — подумавъ, предложилъ Буровъ. — Пойди ты къ нему и посиди съ нимъ до утра, можетъ быть къ утру онъ «отойдетъ», да и утромъ будетъ не такъ страшно, въ случаѣ чего. Страшно сейчасъ, пока мы находимся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя... Неопредѣленность положенія, безусловно гнететъ... я, напримѣръ, чувствую себя въ положеніи путешественника, который ѣдетъ куда-то, въ сильно тянущее его мѣсто, но ему предстоятъ еще какія-то пересадки. Онъ высадился на станціи и ждетъ на сложенныхъ, на перронѣ вещахъ — поѣзда, который вотъ-вотъ дол-

женъ подойти, а когда, подойдетъ. — точно неизвѣстно. Этимъ сильно тянущимъ каждаго изъ насъ мѣстомъ является потребность отдыха взбудораженной нервной системѣ. Мы съ тобой справляемся съ собой и своими нервами удовлетворительно, или даже хорошо, а Мишѣ — это не удается. Нужно ему помочь. Я увѣренъ, что онъ сумѣетъ взять себя въ руки. Онъ прекрасный офицеръ, по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ.

— Да, ты, кажется, правъ; единственно правильный выходъ, — это пойти къ нему и посидѣть съ нимъ до утра. Если же нашъ Генрихъ будетъ обходить роты, а это будетъ навѣрняка, всегда можно будетъ сказать, что я, молъ, пришелъ въ N роту ознакомиться съ обстановкой. Такъ развивалъ планъ дѣйствій Звѣревъ.

— Ну, валяй, братъ, такъ, а я за твоей ротой присмотрю отсюда, — говорилъ Буровъ, пожимая протянутую руку.

— Вотъ такъ «пончикъ»! «Чертова подвода»! — сказали, почти одновременно, оба друга, поворачивая во-свояси.

▪

— Здорово, «пончикъ»! — Весело, какъ ни въ чемъ ни бывало, говорилъ Звѣревъ, нѣсколько минутъ спустя прыгая въ глубокую и довольно просторную яму, вырытую для Миши его ротой и накрытую жердями, въ видѣ примитивнаго козырька.

— Какъ у тебя дѣла? — всматриваясь въ лицо Миши, спрашивалъ Звѣревъ.

— Тише, пожалуйста!,.. здѣсь нѣмцы въ тридцати шагахъ, —шопотомъ, умоляюще произнесъ Миша.

— Ну ужъ и въ тридцати, — недовѣрчиво возразилъ Звѣревъ.

— Да что это ты хнычешь, Миша? Нельзя такъ распускаться... Подумай только, какъ ты скандалишь себя, и «все на свѣтѣ». Возьми себя въ руки!

— Нѣтъ, — шептали Мишины губы; я больше выдержать этого не могу — я застрѣлюсь. Я не могу больше видѣть этихъ страшныхъ мертвецовъ, эту кровь и стрѣльбу. Я сойду съ ума, —въ отчаяніи говорилъ Миша, при чемъ губы его вздрагивали, а зубы выбивали барабанную дробь.

— Ты съ ума сошелъ, «ешакъ» — своеобразно урезонивалъ его Звѣревъ.

— Стрѣляться! — Какой смыслъ? — Разъ ты рѣшилъ умереть, такъ это все, что требуется. Это максимумъ того, что ты можешь дать... — уже улыбаясь и смотря прямо въ глаза Мишѣ, говорилъ поручикъ Звѣревъ.

— Ты думаешь, мнѣ легко свыкаться съ мыслью, что и я каждую минуту могу отправиться къ праотцамъ? Вѣдь и я страстно хочу жить, но каждый разъ передъ боемъ, или во время обстрѣла, я самъ себя какъ бы убѣждаю: — «ты долженъ умереть», «ты умеръ» — внушаю я себѣ. И когда мнѣ это удается, я перестаю думать о томъ, что страшитъ, изъ чего слагается чувство страха.... Не убилъ этотъ снарядъ, убьетъ слѣдующій, примиряясь съ своей судьбой, уже думаю я, а въ промежут-

кахъ между очередями снарядовъ, между болѣе опасными положеніями и менѣе опасными моментами, — исполняю свой долгъ. Вотъ и сейчасъ. я бѣжалъ къ тебѣ по, сравнительно, открытому мѣсту... — пули свистятъ часто... никто меня не застасту — пули свистятъ часто.... никто меня не заставляетъ итти сюда, а я иду... Иначе кто же будетъ управлять пассивной массой нашихъ солдатъ? Вѣдь все только и держится, — на насъ — офицерахъ. Какой же примѣръ подаешь ты своимъ людямъ?

Миша рыдалъ, склонивъ голову на плечо Звѣрева.

Коля брезгливо морщился, но не находилъ въ себѣ силъ оттолкнуть милаго «пончика» — весельчака и балагура, съ которымъ такъ весело и пріятно жить въ будничной полковой обстановкѣ.

— Не покидай меня, — шептали Мишины губы...

— Ну, хорошо, успокойся только. — смягчая тонъ, говорилъ Звѣревъ. — Я посижу здѣсь съ тобой до утра....—

***

— Подпрапорщикъ Шапка! — Пошлите людей за обѣдомъ; тутъ пришли проводники... — глубокой ночью отдавалъ распоряженія поручикъ Буровъ, не знавшій усталости, не чувствовавшій никакихъ потребностей, видѣвшій только вростающихъ въ землю своихъ солдатъ, зорко всматривавшійся въ серебрящійся сумракъ яркой лунной ночи, прислушивавшійся ко всякому подозрительному шо-

роху — «оттуда»... и отдававшій всѣ остальныя чувства инциденту въ N-ой ротѣ и ея командиру — презираемому и любимому Мишѣ «пончику»....

. . . . . .

Такой жизнью былъ полонъ «Мрачный лѣсъ» въ эту холодную октябрьскую ночь.

Въ немъ, какъ въ громадномъ котлѣ, бурлили взбаламученныя людскія страсти, переплетаясь въ причудливые узоры.

Желтые дьяволы *)

Вотъ уже четвертый день, какъ N-ая пѣхотная дивизія, окопавшаяся на подступахъ къ Варшавѣ, ведетъ непрерывный, ожесточенный бой, отбивая нѣмецкія атаки.

У подножія окоповъ Z-скаго полка этой дивизіи лежатъ безчисленные трупы германцевъ шести различныхъ частей, не могшихъ выполнить боевой задачи — быть послѣзавтра въ Варшавѣ.

Густой туманъ, спустившійся къ вечеру на землю, отдѣлилъ противниковъ «молочной» непроницаемой завѣсой и скрылъ отъ нѣмцевъ трагическую картину разрушеній и потерь, учиненныхъ огнемъ ихъ тяжелой артиллеріи въ нашихъ окопахъ. Обѣ стороны, не видя и не зная, что творится у противника, — нервничали, и это настроеніе отражалось на характерѣ веденія огня, то разгоравшагося, то потухавшаго, то пробѣгавшаго по всей линіи,

---

*) Во время первыхъ боевъ Кавказской Гренадерской дивизіи, носившей желтые погоны, на убитыхъ нѣмецкихъ солдатахъ находили не отправленные ими на родину письма, въ которыхъ кавказскіе гренадеры именовались — желтыми дьяволами.

подобно электрическому току, то еле обозначавшемуся короткими залпами.

Начальникъ нѣмецкой дивизіи, дѣйствовавшей противъ Z-скаго полка, полный рѣшимости, настойчивости и иниціативы молодой генералъ, отправивъ директиву для предстоящаго утромъ боя, вызвалъ къ телефону того изъ командировъ полковъ, два батальона котораго только что произвели безрезультатную атаку на Z-скій полкъ.

— Полковникъ, сказалъ онъ, — сейчасъ вы получите мое приказаніе на завтра. Къ нему я имѣю добавить, что отъ плѣнныхъ намъ удалось узнать, что у русскихъ нѣтъ снарядовъ. Противъ насъ безсмѣнно стоитъ все тотъ же полкъ этихъ «желтыхъ дьяволовъ», которые, хотя и проявили нечеловѣческую стойкость, но по всѣмъ признакамъ, должны будутъ въ концѣ концовъ, сдать, такъ какъ за ними нѣтъ резерва. Къ 4 часамъ къ вамъ подойдутъ два свѣжихъ баталіона померанскихъ гренадеръ...

Артиллерія наша, усиленная вновь установленной тяжелой гаубичной батареей, смететъ все на вашемъ пути. Я увѣренъ, что завтра вы будете имѣть полный успѣхъ...

Подъ прикрытіемъ тумана въ Z-омъ полку срочно происходила послѣдняя перегруппировка.

Командиръ N-ой артиллерійской бригады увѣдомилъ командира Z-го полка, на участкѣ котораго

стояло двѣ легкихъ батареи его бригады, что съ разрѣшенія начальника дивизіи, онъ приказалъ одной батареѣ сняться съ позиціи и отойти въ тылъ, изъ-за полнаго отсутствія снарядовъ...

Въ то же самое время капитанъ князь Мангуладзе, типичный кавказецъ, старый боевой офицеръ, потомокъ славныхъ витязей Кавказа, весь воплощеніе ихъ завѣтовъ, духа, достоинствъ, слабостей и недостатковъ, — отдавалъ приказаніе своему 4-ому батальону.

Батальонъ его только что смѣнился съ участка полка сосѣдней дивизіи, откуда онъ утромъ выбилъ ворвавшихся въ окопы сосѣдей нѣмцевъ.

—Ротные командиры, идемъ сюда, — сказалъ князь, подходя къ строю батальона вытянувшемуся вдоль одной изъ безчисленныхъ дорогъ, обсаженныхъ деревьями, указывая на уцѣлѣвшую халупу. Въ четырехъ ротахъ князя насчитывалось послѣ сегодняшняго боя, едва 600 человѣкъ.

Ротные командиры этихъ ротъ — поручикъ Пашковъ, подпоручикъ Зотовъ и прапорщики Тихоновъ и Борисовъ, вышли изъ рядовъ и прошли въ халупу, указанную имъ батальоннымъ.

— Послушай, Пашковъ, — сказалъ князь, обращаясь къ страшему изъ ротныхъ.

— Посмотри на картѣ, гдѣ мы находимся?

— Вотъ здѣсь, Ваше Сіятельство, — указалъ Пашковъ на красную черту, начинавшуюся у названія деревни, въ которой остановился батальонъ.

— Ты вѣрно говоришь? — недовѣрчиво и въ то же время добродушно переспросилъ князь.

— Такъ точно. Вѣрно.

— Ну, отлично... Это я для васъ, — пояснилъ князь.

— Мнѣ карты не нужны, карты это для генеральнаго штаба и для «зеленыхъ».

— Для васъ— посмотрѣлъ онъ на прапорщиковъ.

— Наша задача теперь.... чертъ ихъ знаетъ.... — началъ было князь, но спохватился и продолжалъ: — поддержать нашъ правый флангъ.

— Ну-ка, посмотри тамъ эту... Орлы... Орлы — Касины — Массины.

— Орлы-Цесины, Ваше Сіятельство? — поправилъ Пашковъ, склонившійся къ картѣ.

— Эта самая — Весины.

— Вотъ тамъ, сейчасъ, правый флагъ нашего 1-го батальона.

— Ты, Пашковъ, Тихоновъ и Борисовъ, идите туда, явитесь командиру 1-го батальона и вступайте подъ его команду.

— Ты, Зотовъ, станешь за 2-мъ батальономъ и тоже явись — кому слѣдуетъ.

— А вы гдѣ будете, Ваше Сіятельство? — спросилъ кто-то.

— Я теперь «Тришкинъ кафтанъ», — неожиданно заявилъ князь и, самодовольно улыбнувшись своей «остротѣ», — добавилъ:

— Я иду въ штабъ полка, пусть мнѣ дадутъ чѣмъ командовать. —

— Однимъ словомъ, господа, вы сами должны знать что дѣлать, — закончилъ князь.

Получивъ это лаконическое приказаніе, батальонъ тронулся по указаннымъ мѣстамъ.

Подпоручикъ Зотовъ, или просто Рома, какъ уменьшительно звали его товарищи по полку, молодой, стройный, красивый офицеръ. Онъ два года тому назадъ кончилъ Тифлисское военное училище однимъ изъ первыхъ — старшимъ портупей-юнкеромъ 2-ой роты и считался лучшимъ гимнастомъ, стрѣлкомъ и фехтовальщикомъ.

За гимнастику и стрѣльбу онъ имѣлъ первые призы и училищные жетоны — эти первые знаки отличія, на зарѣ военной карьеры. Въ полку, на него сразу же обратили вниманіе, когда на состязательной стрѣльбѣ изъ револьвера онъ перебилъ призъ у «почетнаго потомственнаго» полкового призера — Карла Карловича Гросбахъ.

— Это какое училище дало намъ такого стрѣлка? — подходя къ Зотову, освѣдомился старшій штабъ-офицеръ.

— Тифлисское, — краснѣя до корней волосъ, отвѣтилъ подпоручикъ Зотовъ, а обступившая его со всѣхъ сторонъ молодежь пожимала ему руки и приговаривала:

— Браво, Тифлиссцы! — «ай молодца» Тифлиссцы! —

Зотовъ вышелъ въ Z-скій полкъ, имѣвшій захолустную стоянку въ Закавказьѣ. — не случайно; а принципіально. Онъ считалъ и доказывалъ своимъ пріятелямъ и товарищамъ по выпуску, что ка-

ждый долженъ отдавать предпочтеніе не полкамъ съ хорошими стоянками, или со стоянками въ отдаленныхъ мѣстахъ, куда шли изъ-за денегъ, — а полкамъ старымъ, съ славной боевой исторіей и традиціями, и дружнымъ составомъ офицеровъ.

Въ полку Зотовъ былъ съ мѣста отличенъ и назначенъ въ учебную команду къ спеціалисту своего дѣла, капитану Пружакову, подъ руководствомъ котораго многое постигъ изъ той области военной науки, предметомъ изученія которой служатъ бытъ и психологія русскаго солдата. Онъ тщательно работалъ надъ людьми порученнаго ему взвода и теперь, въ полку, значительная часть унтеръ-офицеровъ была или непосредственно его выучки, или же, лично ему извѣстна. Солдаты его обожали и, зная, что офицеры зовутъ его Рома, между собой говорили:

— Нашъ Рома молодчага... этотъ не подкачаетъ... за нимъ хоть куда... Однимъ словомъ, геройскій офицеръ. —

***

— Рота, стой! — скомандовалъ Рома послѣ часовой ходьбы, подойдя къ знакомому перекрестку дорогъ, гдѣ по сторонамъ одной, идущей параллельно фронту, была углублена канава и вырытъ окопъ полной профили, еще наканунѣ, стоявшимъ здѣсь, 4-мъ батальономъ.

— А хорошо, ваше б-діе, что ребята солому успѣли повыбирать, глядите, нѣмецъ и послѣднюю халупу спалилъ. —

— Гдѣ таперича чай грѣть будемъ? — сказалъ подошедшій къ Ромѣ фельдфебель Ласточкинъ.

Рома ничего не отвѣчая, обдумывалъ, что надо сдѣлать, вообще, что раньше и что позже.

— Солома, значитъ, есть, — произнесъ онъ вслухъ послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣчая самъ себѣ на какой-то вопросъ и, уже громко приказалъ:

— Взводные ко мнѣ! — Слушать внимательно!..

— Три взвода могутъ спать, не раздѣваясь, вотъ здѣсь, — указалъ онъ на окопъ.

— Если соломы мало, можно будетъ послать нѣсколько человѣкъ, но не много только.

Одинъ взводъ бодрствуетъ въ полной готовности. —

— Халупу нашу сожгли, — сказалъ онъ, озираясь вокругъ; — тогда чай можно кипятить у костровъ. которыхъ должно быть не больше, какъ по одному на взводъ.

— Тутъ такой сегодня туманъ, что хоть избу запали, а огня въ двадцати шагахъ не увидишь.

— За кухней и патронной двуколкой послать проводниковъ къ штабу полка. Проводники пусть доложатъ князю, что 16-я рота пришла на свое мѣсто благополучно. Двухъ связниковъ мнѣ назначить сейчасъ. Я ихъ самъ отведу къ батальонному 2-го батальона. Мы съ тобой, Ласточкинъ, будемъ дежурить поочередно.

— Понимаю, ваше бл-діе, — не замедлилъ вставить Ласточкинъ. — А вы бы, Ваше б-діе, сначала чайку, согрѣться, — предложилъ кто-то изъ взводныхъ.

— Какой чай, Петровъ, — съ суровой ноткой въ голосѣ возразилъ Рома.

— Сначала дѣло, а потомъ чай. —

— Ерчевъ, ты здѣсь? — крикнулъ Рома въ пространство

— Такъ точно, здѣсь я, Ерчевъ! — послышался отвѣтъ, и изъ тумана обрисовалась фигура громаднаго Ерчева съ винтовкой на ремнѣ.

— Фельдфебель Ласточкинъ! — нарочито громко приказалъ Рома, — останьтесь за меня. Я пойду впередъ къ командиру батальона съ докладомъ... Чтобы все было въ порядкѣ. —

— Ну, пошли! — скомандовалъ Рома, и четыре фигуры, пройдя всего нѣсколько шаговъ, скрылись въ непроницаемомъ туманѣ.

— Какая это рота? — спросилъ Рома, подойдя къ окопу, на днѣ котораго копошилась какая-то фигура.

— А тебѣ на что? — отвѣтилъ недовольный голосъ.

— Съ тобой говоритъ офицеръ, — невозмутимо, но внушительно пояснилъ Рома.

Послѣдовала пауза.

— Я тебя спрашиваю, какая рота? —

— Шестая, ваше благородіе. —

Рома и самъ зналъ, что здѣсь должна находиться шестая рота, и онъ нарочно пришелъ сюда для того, чтобы повидать своего закадычнаго друга, товарища по выпуску и сослуживца по учебной командѣ — Бориса Корфа.

Хотѣлось немного отвести душу, подѣлиться

своими мыслями и сомнѣніями, а кстати, посмотрѣть, какъ ведетъ дѣло и чувствуетъ себя Борисъ въ этой ужасной обстановкѣ четырехдневнаго адскаго боя.

— А гдѣ ротный командиръ? —

— Не могу знать, ваше благородіе. —

— Ахъ ты, балда еловая! — съ досадой произнесъ Рома, чувствуя потребность добавить болѣе крѣпкое слово... какъ изъ окопа поднялась другая фигура, радостно произнесшая:

— Ваше благородіе, это вы? — Это я, унтеръ-офицеръ Чижиковъ, ваше благородіе. —

— А! Чижиковъ! — Здравствуй, молодецъ! — Какъ живешь? — Живемъ пока, сами не знаемъ, что завтра будетъ... Жалко, не видать ничего, ваше бл-діе, вы бы посмотрѣли, сколько германа наложили. — не безъ гордости произнесъ Чижиковъ.

— Ну и намъ тоже досталось. Антиллеріей нѣмецъ, шибко зашибаетъ... а у насъ, будто, антилеріи — мало. Пулеметъ нашъ, послѣдній, разбило сегодня снарядомъ. Цѣлое отдѣленіе засыпало снарядомъ, нонче, во второмъ взводѣ. Два чемойдана запустилъ сразу. Дорошенко, помните, ваше бл-діе, по учебной командѣ — высокій такой хохолъ, что на лѣстницѣ не могъ подтянуться — сегодня убило, а уже имѣлъ Георгія. Да ужъ многихъ нашихъ нѣтъ. Сейчасъ въ ротѣ и ста человѣкъ не наберется. Четыре дня держимъ позицію-то.

— Ну, а ротный какъ? — спросилъ Рома.

— Ничего! — воодушевляясь, продолжалъ Чижиковъ.

— Ротный нашъ молодецъ. Безъ него мы бы совсѣмъ пропали. На нихъ, да на капитанѣ Пильченкѣ весь нашъ батальонъ держится. Батальонный нашъ хорошій человѣкъ, такъ какъ будто и не трусъ, — а ни къ чему.

— «Я, говоритъ», сказывали телефонисты, «пришелъ въ восьмую, знаю, что не выдастъ», — и сидитъ себѣ у ротнаго въ землянкѣ.

— Ротный Пильченко, тотъ боевой. Командуетъ, и самъ вездѣ, а батальонный — хоть бы что... подъ охрану сдался восьмой ротѣ, — выпалилъ въ минуту всѣ новости Чижиковъ.

— Ихъ благородіе, поручикъ Корфъ, навѣрное въ первомъ взводѣ. Они только что пошли туда, — чинить окопъ будутъ. Совсѣмъ завалило. Дозвольте ,я васъ провожу, ваше бл-діе, это близко.

— Здѣсь ротный! Кому я нуженъ? — послышался вскорѣ голосъ подпоручика Корфа, имѣвшаго привычку говорить, для солидности, дѣланнымъ басомъ.

— Это я, Борисъ,—привѣтливо отозвался Рома.

— Ну, какъ у тебя? —

—Все отлично. Какъ видишь. Нѣмцевъ наложили массу. Человѣкъ двѣсти однихъ убитыхъ лежитъ передъ ротой. Потери только большія, и еще что обидно, подъ самый вечеръ пулеметъ разбили вдребезги. Еще отвѣчать за него придется, — не безъ опаски произнесъ Борисъ.

— Ну, а ты какъ? Гдѣ ты теперь и какъ сюда попалъ? —

— Очень просто; я стою за твоей ротой въ резервѣ. —

— Въ резервѣ? — удивился Борисъ.

— Это здорово!... а связь у тебя съ ротой есть?

— Пока нѣтъ. —

—Да братъ, телефонъ хоть не тяни, — перебиваютъ провода моментально. Кабель нашъ чиненъ-перечиненъ. Девять телефонистовъ за четыре дня выбыло изъ строя. Огонь, братъ, ужасный. Кстати, какой это батальонъ нашъ отличился сегодня утромъ? Говорятъ, лихое дѣло сдѣлалъ.

— Это нашъ, четвертый. —

— И ты тамъ тоже былъ? —

— Какъ же, былъ, — скромно подтвердилъ Рома.

— Разскажи, разскажи, это братъ интересно. —

— Я, дорогой мой, долженъ сначала явиться къ командиру батальона. Сейчасъ некогда. —

— Ну, голубчикъ, явиться ты явись .. да на обратномъ пути зайди на одну минуту ко мнѣ. Мнѣ нужно тебѣ кое-что сказать. —

***

Командиръ 2-го батальона подполковникъ Алилуевъ, или «архіерей», какъ его называли между собой офицеры за его фамилію, необычайную набожность и елейность, принялъ Рому очень привѣтливо. Онъ приказалъ ему оставаться тамъ, гдѣ онъ расположился и обѣщалъ, въ случаѣ чего, прислать приказаніе со связниками, которыхъ Рома предусмотрительно захватилъ съ собой.

⁂

Черезъ 15 минутъ Рома и Борисъ стояли вдвоемъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, пожимая другъ другу руки.

— Я буду кратокъ, — говорилъ Борисъ, — ты меня поймешь съ полуслова: если къ намъ не подвезутъ снарядовъ и не пришлютъ резервъ въ эту ночь, — завтра насъ задавятъ... Я знаю, что резервовъ нѣтъ; снарядовъ — тоже. Пулеметъ мой погибъ... Намъ остается дороже продать свою жизнь и не посрамить нашего славнаго полка. И поэтому... понимаешь... какъ я счастливъ, что въ этотъ именно моментъ, никто другой, а ты оказался за моей спиной... —

При этихъ словахъ кисти ихъ рукъ сжались въ единомъ порывѣ нахлынувшихъ чувствъ.

— Намъ нужно только условиться, — продолжалъ Борисъ Корфъ, — что будетъ служить сигналомъ итти тебѣ на выручку. На телефонъ плохая надежда, его сейчасъ же перебьютъ. Связники не успѣютъ, хотя ты и близко. Свѣтового сигнала подать навѣрное не удастся, такъ какъ стоятъ туманы, и въ 250 шагахъ ничего уже не видно, даже днемъ. Тутъ нужно что-то придумать. Вѣдь нѣмцы залегли не далѣе 150 шаговъ...

— Я нашелъ! — оживился вдругъ Рома.

— Предупреди свою роту, что когда нѣмцы бросятся на васъ въ атаку, пусть всѣ, дружно крикнутъ ура. —

— А вѣдь это идея ! — воскликнули оба.

— Ура слышно и днемъ и ночью, а на 300 шаговъ, во всякомъ разѣ: и въ туманѣ, и въ непогоду, и стрѣльба его не заглушитъ — вѣдь оно особенное. Не даромъ же мы поемъ нашу пѣснь: «Ура! Ура, Ура, Ура! Ура четвертый батальонъ!»...

— Ну, прощай! — заторопились вдругъ оба, пожимая другъ другу руки.

—Смотри, не прозѣвай только! — Выручи! —.. донеслось Ромѣ вслѣдъ.

***

— Теперь только не прозѣвать, — засѣло гвоздемъ у Ромы.

Въ эту ночь Рома былъ мученикомъ. Онъ не только не могъ спать... онъ весь, обратившись въ слухъ, порой доходилъ до галлюцинацій... Ему мерещилось слабое, предсмертное ура 6-ой роты. Онъ по очереди бесѣдовалъ съ дежурными взводами, объясняя каждому:

—Ребята, — говорилъ Рома,

— Мы условились со вторымъ батальономъ, — все какъ надо: они намъ сказали, что если нѣмецъ начнетъ одолѣвать, то нужно взять его хитростью. Тогда наши крикнутъ — Ура! Какъ услыхалъ ура! — всѣ за мной, какъ одинъ, — въ штыки. Не забывай только держаться ближайшаго начальника. Помни, что если нѣмецъ ворвался къ намъ въ окопы, — онъ растерялся. Тутъ его и бить. Не дай Богъ, дать ему устроиться и подвезти пулеметы. Захватывай и бей съ налета. Я вамъ говорю и совѣстью своей утверждаю — никто не устоитъ.

— Такъ точно, ваше бл-діе, — гудѣли голоса, и Рома чувствовалъ, что его понимаютъ и ему вѣрятъ.

Рома зналъ, что нужно заразить этой увѣренностью десятокъ-другой людей, убѣдить ихъ, что побѣда будетъ, показать имъ примѣръ... и они тогда пойдутъ и увлекутъ за собой остальныхъ, которыхъ подтолкнетъ незримая сила, именуемая стаднымъ чувствомъ... И онъ видѣлъ и чувствовалъ, что цѣль свою онъ достигъ.

. . . . . .

Утро настало пасмурное и туманное.. .и какъ только стали различимы контуры предметовъ на 100-200 шаговъ.... Началось....

Можно было подумать, что разверзлась земля, и всѣ подземные духи роемъ выскочили наружу, толкая другъ друга, сотрясая землю и оглашая ее неистовымъ воемъ...

Нѣмецкая артиллерія расчищала дорогу четыремъ батальонамъ своихъ гренадеръ, изготовившимся къ атакѣ. Страшно и жутко было глядѣть туда, гдѣ вдоль дороги, обсаженной деревьями, шла линія окоповъ 2-го батальона. Впрочемъ, и справа и слѣва, всюду, насколько хватало зрѣнія, — рвались сотни снарядовъ, взметая тучи земли, вырывая съ корнемъ деревья или срѣзая ихъ, какъ былинки, и снося съ лица земли все, что попадалось по пути.

— Вотъ, кабы наша антилерія такъ себя показала, — произнесъ кто-то, но тотчасъ же уткнулся

носомъ въ землю, такъ какъ рой осколковъ вихремъ пронесся надъ головами.

Такъ продолжалось съ часъ...

Вдругъ все смолкло, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и изъ окоповъ 2-го батальона часто-часто застучали винтовки. Еще моментъ... и вся туча снарядовъ повисла между ротой Ромы и злосчастнымъ 2-мъ батальономъ. Теперь все ясно. Заградительный огонь! — мелькнуло въ головѣ Ромы. Сейчасъ будетъ и атака....

— Рота, приготовсь! — зычнымъ голосомъ воскликнулъ Рома.

— Слушай мою команду! —

И въ этотъ самый моментъ всѣ ясно услышали глухое стонущее ура 6-ой роты.

— Впередъ, на выручку! — раздался пронзительный голосъ Ромы, рванувшагося впередъ съ наганомъ въ рукѣ...

. . . . . .

Человѣкъ двадцать солдатъ осталось въ полосѣ заградительнаго огня — истерзанными на куски... остальные неслись впередъ, увлекаемые Ромой. Это былъ моментъ, когда весь успѣхъ атаки зависѣлъ отъ того, дойдетъ-ли одинъ человѣкъ — Рома Зотовъ. Всѣ видѣли, какъ Рома дважды останавливался и стрѣлялъ... и каждый разъ падалъ нѣмецъ... Остальное лишь промелькнуло и кончилось очень быстро...

Натискъ нашей шестнадцатой былъ неотразимъ...

⁂

И въ то время, когда Рома старался привести въ порядокъ свою роту и собрать оставшихся людей — шестой...

Нѣмецкій генералъ сердито выговаривалъ неудачнику командиру, успѣвшему доложить, что къ «желтымъ дьяволамъ» подошли резервы и что увѣнчавшаяся было успѣхомъ атака, отбита съ большими потерями.

— Сейчасъ же атаку повторить, — говорилъ генералъ. — Я послалъ къ вамъ послѣдній батальонъ. Мнѣ доподлинно извѣстно, что никакихъ резервовъ у этихъ русскихъ свиней нѣтъ. За новую неудачу отвѣтите — вы. —

⁂

Поле боя представляло, поистинѣ, тяжелую картину. Рома только что прошелъ мимо солдата съ распоротымъ животомъ и вывалившимися внутренностями.. Глаза солдата уже тускнѣли, но онъ былъ еще живъ и безсознательно копошился въ своихъ собственныхъ внутренностяхъ. ..

— Здѣсь лежитъ ротный 6-ой роты. Они ранены, — доложилъ подбѣжавшій, запыхавшійся Ласточкинъ.

Борисъ былъ безъ сознанія и залитъ кровью...

— Но я, вѣдь, ничего сейчасъ не чувствую, — подумалъ Рома, смотря какъ санитары, наскоро перевязавъ раненаго, — клали на носилки его лучшаго друга.

— Ну, нужно продолжать, — вслухъ произнесъ Рома и, машинально повторяя вопросы, на которые должно отвѣчать каждое донесеніе, извлекъ свою «видавшую виды», полевую книжку, вложилъ копировальную бумагу въ очередной листъ и отчетливо вывелъ

Командиру Z-го полка.....

Въ штабѣ Z-го полка еще съ вечера царила тревога. Командиръ — высокій, плотный, уже сѣдѣющій полковникъ, красивой благородной внѣшности, нервно ходилъ по діагонали халупы, въ которой пріютился штабъ полка.

Тутъ же за стаканомъ недопитаго чая сидѣлъ оставшійся не у дѣлъ капитанъ князь Мангуладзе. Адъютантъ и начальникъ службы связи стояли въ другой комнатѣ — напротивъ, склонившись къ старшему телефонисту.

Телефонистъ уговаривалъ Чиричкина отозваться, но никто не отзывался... Промежуточная... промежуточная.... пе-пе-пе.... сопѣлъ апаратъ....

Кругомъ стоялъ адъ. Земля гудѣла, тряслась и заволакивалась дымомъ. Стекла въ халупѣ дребезжали отъ разрывавшихся неподалеку снарядовъ.

Всѣ чувствовали, что назрѣваетъ послѣдній актъ трагедіи...

Только что пронесли раненаго Корфа и убитаго пулеметчика поручика Мирдулькиса...

— Мнѣ нужно узнать, что дѣлается въ первомъ и второмъ батальонахъ во что бы то ни стало, —

произнесъ командиръ, появляясь на порогѣ комнаты службы связи.

— Вызовите охотниковъ изъ знаменнаго взвода... Каждому обѣщаю Георгія. —

— Охотники готовы, — шесть человѣкъ, — докладывалъ ровно черезъ три минуты адъютантъ.

— Гдѣ они? —

— Здѣсь на дорогѣ. —

— Отлично. Я сейчасъ самъ къ нимъ выйду..

— Здорово, молодцы! — подходя къ охотникамъ, поздоровался командиръ, пытливо всматриваясь въ ихъ безстрашныя лица.

— Здравія желаемъ, Ваше высокоблагородіе! — дружно отвѣтили солдаты.

Командиръ взглянулъ туда, гдѣ за лѣсомъ кипѣлъ бой, и взглядъ его остановился на группѣ нѣмцевъ, приближавшихся съносилками подъ конвоемъ пяти солдатъ.

— Кого вы несете? — обратился командиръ къ конвойнымъ.

— Такъ что, поручика нашего Зотова, — отвѣчалъ конвойный, дѣлая знакъ носильщикамъ поставить носилки на землю.

— Куда онъ раненъ? — спросилъ командиръ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, подъ самое сердце. Еще по дорогѣ скончались. Они приказали передать вамъ донесеніе, — сказалъ конвойный откидывая шинель, которой было покрыто тѣло Ромы. Вотъ ихъ книжка — протянулъ онъ руку съ желтой книжкой, на обложкѣ которой было на-

писано: Полевая Книжка. Издалъ В. Березовскій, комиссіонеръ военно-учебныхъ заведеній.

Командиръ взялъ въ руки книжку и взглянулъ въ мертвенно-блѣдное, съ посинѣвшими губами, спокойное лицо Ромы.

— Бѣдный Рома! Что ты намъ теперь скажешь? съ невыразимой грустью подумалъ командиръ... и, перелиставъ копіи прежнихъ донесеній Ромы, дошелъ до послѣдняго, еще не вырваннаго листа, на которомъ значилось:

Командиру Z-го полка.

1914 года 28 ноября. 9 ч. 45 минутъ.

Номеръ 38, изъ окоповъ 6-ой роты нашего полка, что по дорогѣ изъ д. Вулька-Нова въ д. Пясечно. Крестъ у отмѣтки 48. Карта 2 версты въ дюймѣ.

Нѣмецкіе гренадеры, въ количествѣ около 2-хъ батальоновъ, послѣ сильной артиллерійской подготовки, продолжавшейся съ 7 1/2 - 8 1/2 часовъ утра с. г. 28 ноября, атаковали и ворвались въ окопы нашего 2-го батальона. Я съ 16-ою ротой находился въ это время на участкѣ за 6-ой ротой и по условленному сигналу перешелъ въ контръ-атаку и выбилъ противника изъ занятыхъ имъ окоповъ нашей 6-ой роты на всемъ ихъ протяженіи Влѣво отъ меня, гдѣ должна была стоять 5-ая рота, — никого не оказалось. Развѣдка, посланная вправо, еще не вернулась. Въ моей ротѣ осталось всего 43 человѣка. 6-ой роты почти что не существуетъ. Я за-

нялъ своими людьми окопы 6-ой роты и буду въ нихъ держаться до послѣдней возможности.

. . . . . .

Подписи подъ донесеніемъ не было....

Вмѣсто нея отпечатался большой палецъ, какого-то солдата, вымазанный кровью...

Ночное

Въ холодную сентябрьскую ночь, у догорающаго костра спали тяжелымъ сномъ какія-то сѣрыя фигуры, плотно прижавшіяся другъ къ другу. Темнота и непроглядность ночи окутывала эту кучку людей равномѣрно похрапывавшую, присвистывавшую и по временамъ бормотавшую какіе-то невнятныя слова своимъ таинственнымъ покровомъ. Кругомъ царила безмолвная тишина.

Съ недалекой Волги тянуло холодомъ и сыростью и какъ бы чувствовалось, что землю, громадную рѣку, спящихъ людей и угасающій костеръ сковала какая-то гигантская усталость, какое-то глубокое недоумѣніе и разочарованіе. Спящіе вокругъ костра люди были, дѣйствительно, безмѣрно утомлены, и этотъ короткій тяжелый сонъ былъ для нихъ лишь антрактомъ въ «театрѣ ужасовъ» Россійской гражданской войны, бывшей въ это время въ самомъ разгарѣ.

Спавшіе были такъ называемые — «бѣлые», или «контр-революціонеры». Ихъ было около двадцати душъ, лежавшихъ на голой землѣ вповалку, укрытыхъ чѣмъ попало: тутъ были англійскія и русскія шинели, тулупы, старыя попоны и брезен-

товыя полотнища; однимъ словомъ, все, что могло хоть какъ - нибудь защитить отъ проникающаго отовсюду сырого холода. Вотъ крайняя фигура, лежавшая на спинѣ, съ лицомъ, покрытымъ носовымъ платкомъ, вдругъ неожиданно приподнялась и присѣла; на секунду замерла въ сидячемъ положеніи... прислушалась.. и вскочила на ноги.

Хорошо, что я проснулся. Скорѣе подумалъ, чѣмъ произнесъ вставшій. Нужно поразмять озябшіе члены, а то простудишься, «какъ пить дать», — уже внятно произнесъ онъ, съ силой выбрасывая въ стороны руки и стремительно сгибая ихъ въ локтяхъ. Отъ этихъ рѣзкихъ движеній хрустнули кости, и крякнули какія-то сочлененія... и дѣйствительно, старый армейскій пріемъ какъ будто помогъ: шинель, гимнастерка и рубаха, плотно приставшіе къ тѣлу и ставшіе уже проводникомъ земной сырости, нехотя оторвались отъ источника тепла... и между тѣломъ и одеждой вновь пролегла неуловимая прослойка теплаго воздуха. Оцѣпенѣніе понемногу стало проходить послѣ того, какъ по спинѣ и по всему тѣлу, разъ-другой, пробѣжали неизбѣжные въ такихъ случаяхъ холодные токи — «мурашки».

— Володя, ты куда? — раздался голосъ изъ-подъ попоны, и вслѣдъ затѣмъ, освобождаясь отъ окутывающихъ ее тканей, поднялась вторая фигура.

— Я скоро вернусь, подбрось-ка дровъ въ костеръ... — послышалось изъ темноты откуда - то сверху, такъ какъ первый вставшій, командиръ ро-

ты, капитанъ Горскій, взбѣжалъ по крутой отлогости оврага, въ которомъ бивакировала его рота, и скрылся по направленію къ противнику.

Поручикъ Сытинъ такъ же, какъ и его ротный, поразмялъ свои члены, поправилъ съѣхавшіе въ сторону тяжелые подсумки и осторожно покрылъ освободившейся попоной, ноги юнкера Бори и прапорщика Шустова, лежавшихъ съ нимъ рядомъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ угасающему костру, расковырялъ золу и набросилъ на нее охапку хвороста и сучьевъ.

— Ну вотъ и я, — раздался вскорѣ голосъ капитана Горскаго, успѣвшаго обойти выставленное отъ его роты сторожевое охраненіе.

— Слава Богу, все въ порядкѣ. Тутъ, братъ, нужно быть на чеку — во какъ, — съ чувствомъ и видимымъ облегченіемъ произнесъ онъ, подсаживаясь къ костру, который къ тому времени успѣлъ разжечь Сытинъ.

— Люблю я тепло... — протягивая руки къ огню, задумчиво произнесъ Сытинъ, смотря какъ длинные красные языки пламени перескакивали съ вѣтки на вѣтку, пожирая подбрасываемый имъ хворостъ.

— Да, великое дѣло тепло въ походной жизни, — произнесъ Горскій; и оба просидѣли нѣсколько минутъ въ полномъ безмолвіи.

И Горскій, и Сытинъ одного года выпуска, хотя и изъ разныхъ училищъ. Горскій провелъ всю Великую войну въ строю, былъ дважды серьезно раненъ, получилъ Георгія и Георгіевское оружіе и

стяжалъ себѣ репутацію выдающагося боевого офицера. Сейчасъ онъ капитанъ и командиръ роты. Сытинъ — поручикъ. Ему не повезло: въ одномъ изъ боевъ съ нѣмцами онъ остался раненымъ на полѣ сраженія и попалъ въ плѣнъ. Рана была тяжелой. Онъ долго боролся со смертью и всетаки выжилъ. Около двухъ недѣль, въ бутылку, стоявшую у него подъ кроватью, стекала гнойная, вонючая жидкость изъ вставленнаго въ рану дренажа. У него нѣтъ двухъ реберъ. Онъ пробылъ три съ лишкомъ года въ плѣну и не такъ давно пріѣхалъ въ Добровольческую армію.

— Бѣдный Толя, — думаетъ Горскій, глядя на своего друга Сытина. Какъ ему нужно быть осторожнымъ, чтобы не простудиться. А тутъ какъ на зло такой холодъ и сырость. Какъ облегчить ему положеніе? — Да и не такой человѣкъ онъ. Обидится.

— Ты что всталъ такъ рано? — участливо обратился къ Сытину Горскій.

— Не спится. Меня угнетаетъ какое-то тяжелое предчувствіе. А предчувствіе меня не обманываетъ — это мой вѣрный барометръ. Вообще, гражданская война вещь до крайности дикая, не подходящая ни подъ какіе законы, не укладывающаяся ни въ какія рамки, въ томъ числѣ и въ моемъ мозгу.

— Вѣришь - ли, я буквально не могу прійти въ себя съ того момента, какъ вновь вступилъ на Родную землю.

— Скажи, пожалуйста, Толя, — перебилъ его Горскій, — какъ попалъ ты изъ плѣна въ Добро-

вольческую армію и были ли у тебя какія колебанія и сомнѣнія въ вопросѣ, на чью сторону примкнуть? — То есть, какъ? Какія колебанія могутъ быть у порядочнаго человѣка, каковымъ я не переставалъ считать себя еще и по сей день? — возбужденно переспросилъ Толя.

— Колебаться долго не приходилось. Правда, у насъ, въ плѣну, были самыя отрывочныя и превратныя свѣдѣнія о революціи. Трудно было понять, что за процессъ происходитъ въ Россіи и что отъ этой революціи получится въ конечномъ результатѣ — польза или вредъ?

Сердце говорило: зло, велико зло, эта революція.

Я такъ усталъ и измучился въ плѣну, что прежде всего рѣшилъ вернуться къ себѣ на родину, въ Воронежскую губернію, приласкать моихъ стариковъ, отдохнуть у нихъ душой и тѣломъ и осмотрѣться. Но не тутъ-то было. Принять окончательное рѣшеніе, на чью сторону становится, пришлось гораздо раньше. Ты понимаешь, конечно, что, если-бы обстановка была такова, что на одной сторонѣ, скажемъ, нашей — «бѣлой» — былъ Государь или кто либо изъ бывшаго царствующаго дома, а съ другой — красной, — безразлично кто другой, выборъ былъ-бы ясенъ. Для нашего же брата, плѣнныхъ, дѣло было гораздо сложнѣе... Тутъ и красные, и бѣлые, и Петлюра еще какой-то выискался. И у бѣлыхъ генералы, и у красныхъ — тоже... Подъѣхали мы, значитъ, къ своей новой Русской границѣ. Составъ остановился. Въ вагонъ къ намъ вошли ка-

кіе-то господа въ шинеляхъ безъ погонъ, безъ кокардъ, но съ большими красными бантами: всѣхъ называютъ товарищами. Отвѣчаютъ на вопросы крайне грубо. Вдругъ, появляется какой-то еврейчикъ и нагло обращается къ намъ, офицерамъ (эшелонъ былъ офицерскій), съ требованіемъ снять погоны.

— «Товарищи, вы эти царскіе финтифлюшки ваши поснимайте», — указалъ онъ на кокарды, ордена и погоны.

Офицеры запротестовали. Тогда комиссаръ подошелъ къ ближе всѣхъ къ нему стоявшему старому, израненному капитану, сорвалъ съ него погоны и, мало того, дважды ударилъ ими его по лицу. Произошелъ крупный скандалъ. Офицеры бросились на комиссара... тотъ закричалъ благимъ матомъ и въ вагонъ ввалился вооруженный конвой. «Всѣхъ разстрѣляю васъ, бѣлогвардейскую, золотопогонную сволочь!» — грозился взбѣленившійся комиссаръ, которому кто-то, все-же, успѣлъ съѣздить по уху. Конвой былъ изъ русскихъ красноармейцевъ. Ихъ удалось кое-какъ уговорить, объяснивъ, что мы, молъ, ничего изъ вашихъ законовъ новыхъ не знаемъ и т. п. Красноармейцы разразились потокомъ площадной брани и потребовали, подъ страхомъ разстрѣла, снять погоны и кокарды.

Плачущій, сѣдой, израненный капитанъ, получившій пощечину отъ представителя новой власти, въ первый-же моментъ по вступленіи на родную землю, послѣ трехлѣтняго томленія въ плѣну, — вотъ, кто заставилъ меня принять безповоротное

рѣшеніе встать на противоположную этой новой власти сторону, — «бѣлую». Все видѣнное и слышанное мною въ дальнѣйшемъ, только укрѣпило меня въ правильности принятаго рѣшенія, — съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ Сытинъ.

— Между прочимъ, — продолжалъ онъ, — мнѣ пришлось быть на погребеніи нашего Четыркина.

— Что ты говоришь, — воскликнулъ Горскій.

— А вотъ представь. Неисповѣдимы пути Господни... Нужно-же было мнѣ именно въ эти дни быть въ Пятигорскѣ, гдѣ я поправлялся отъ перенесеннаго сыпняка. Ты, вѣроятно, слышалъ, что въ серединѣ октября прошлаго года (это я узналъ уже на мѣстѣ), въ Пятигорскѣ произошла знаменитая по своему небывалому варварству казнь заложниковъ. Въ ночь съ 18 на 19 октября, одновременно съ ген. Радко-Дмитріевымъ, Рузскимъ и многими другими были зарублены и два брата Четыркины, — нашъ славный Коля «Пятеркинъ» и его братъ Волынецъ. Мнѣ разсказывали очевидцы(казнь происходила публично), что оба они вели себя съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Ни одинъ, ни другой не согласились опуститься на колѣни передъ своими палачами. Несчастные не могли даже пожать другъ другу руку, такъ какъ руки ихъ крѣпко перетянуты были проволокой. Вотъ судьба. Оба, вѣдь, лѣчились отъ ранъ, и оба доблестныхъ офицера погибли мученической смертью. Что они чувствовали, несчастные, въ этотъ страшный часъ? А сколько такихъ мучениковъ?

— Однимъ словомъ, я съ полнымъ убѣжденi-

емъ въ своей правотѣ, иду противъ своихъ-же братьевъ по крови и съ совершенно спокойной совѣстью, безъ всякихъ оговорокъ и сантиментовъ, борюсь съ новой властью и всѣми поддерживающими ее, — силой оружія.

Долженъ сознаться, что быть въ строю съ послѣдствіями моего раненія — мнѣ не легко. Рана моя мнѣ не даетъ покоя, но я не считаю себя въ правѣ отказаться именно въ этотъ тягчайшій и отвѣтственный моментъ въ исторіи Россіи, отъ участія въ борьбѣ съ явными негодяями, христопродавцами, поработителями и насильниками, каковыми является нынѣшняя Кремлевская власть. Я тебѣ скажу больше: для нашего брата, офицерства, эта эпоха своеобразный экзаменъ на политическую честность... Въ этой невиданной борьбѣ не можетъ быть двухъ или трехъ правильныхъ теченій. Подъ теченіями я подразумѣваю: красное, бѣлое и нейтральное или попросту — уклоняющееся. Мнѣ часто приходилось слышать, что многіе оставшіеся у красныхъ, мотивируютъ свое рѣшеніе тѣмъ, что и въ рядахъ красной арміи они продолжаютъ работу на пользу Россіи. Другіе говорятъ, что они попали впросакъ, что первое время было общепризнано, что большевизмъ не продержится больше двухъ-трехъ недѣль. Сначала, такимъ образомъ, дѣйствовалъ этотъ доводъ, а потомъ сталъ дѣйствовать другой — связанность семьями, невозможность выбраться изъ Совдепіи и т. п. Я сужу по себѣ, и выходитъ не такъ: у меня тоже семья въ Совдепіи. Изъ плѣна я вернулся именно въ Совдепію. Ни мои

трое братьевъ, ни я не колебались въ выборѣ, и всѣ ушли къ «бѣлымъ», оставя стариковъ на произволъ судьбы. Я, напримѣръ, пробылъ дома всего шесть дней и зимой, въ февралѣ мѣсяцѣ прошелъ около трехсотъ верстъ пѣшкомъ, прежде, чѣмъ вышелъ на фронтъ Донскихъ казаковъ. Я прежде всего считаю, что кадровый офицеръ, въ силу своего воспитанія и своевременно данной клятвы, не могъ быть революціонныхъ убѣжденій.

Мѣняя свои убѣжденія ровно на 180 градусовъ, онъ становился клятвопреступникомъ прежде всего и измѣнникомъ своей Родинѣ-Россіи, во-вторыхъ, при самомъ даже поверхностномъ, невооруженномъ такъ сказать, взглядѣ на происходящія событія. Къ этой группѣ безчестныхъ «продавцовъ шпагъ» я питаю глубокую ненависть.

Что касается офицеровъ, уклоняющихся, то они есть и на нашей сторонѣ, и за красной чертой.

У красныхъ они покорно ходятъ на регистраціи и безболѣзненно, какъ бараны, выводятся въ расходъ. Тамъ съ ними не церемонятся. На нашей сторонѣ — это паразиты. Это отъ нихъ, именно, можно услышать: «А кто такой Деникинъ или Колчакъ?» — Я служилъ Царю, и только Царю буду служить въ будущемъ. Кто поручится, что, побѣдивъ большевиковъ, Колчакъ и Деникинъ не сдѣлаются президентами. Для республики я не желаю жертвовать своей жизнью. И какъ правило, за очень маленькими исключеніями, такіе господа и при Царѣ, въ Великую войну ничего не дѣлали на пользу Родинѣ и Царю. Они обычно говорили: «дураки

только воюютъ», «на фронтъ я не пойду, мнѣ и здѣсь хорошо»... И я глубоко убѣжденъ, что будь вмѣсто генерала Деникина, во главѣ «бѣлыхъ», Государь, они бы говорили: «довольно намъ самодержавія и «распутиницины»... Конституціонная монархія или республика — единственный выходъ, въ создавшемся положеніи для Россіи... Нужно быть дуракомъ и т. д....

На нашей сторонѣ, къ этимъ паразитамъ милостивы. Это первые получатели безопасныхъ теплыхъ мѣстъ, всякихъ пайковъ и обмундированій, это первые шептуны и сѣятели паники по тыламъ.

Если первыхъ я ненавижу, то ко вторымъ я питаю органическое отвращеніе.

Единственно правильнымъ теченіемъ нужно признать теченіе «бѣлое». Само названіе — «бѣлое» — уже звучитъ красиво и гармонируетъ съ тѣми высокими понятіями, которыя выставлены лозунгами на бѣлыхъ знаменахъ.

— И ты знаешь, чѣмъ я горжусь? — прервавъ потокъ своихъ мыслей, вопросительно произнесъ Сытинъ.

— Чѣмъ? — ему въ тонъ отвѣтилъ Горскій.

— Тѣмъ, что я офицеръ, — какъ то не громко съ особеннымъ чувствомъ произнесъ Сытинъ.

— Я представляю себѣ Россію, если-бы, въ данныхъ настоящей эпохи, офицеры оказались бы безучастными и не выступили-бы на защиту Родины и истинной человѣческой свободы съ оружіемъ въ рукахъ, какъ это сдѣлали мы.

— Нѣтъ, скажи, какова была-бы картина?

— Какъ ты думаешь, могли-бы, по твоему, создать бѣлое движеніе — адвокаты, профессора, инженеры, врачи, землемѣры, купцы, артисты и пр., предводительствуемые всѣми политическими дѣятелями и группировками справа налѣво и слѣва направо? Не правда-ли, смѣшно даже объ этомъ думать, видя ихъ роль въ нашей революціи?

— Я, признаться, — продолжалъ онъ, — очень сильно надѣялся на духовенство... Оно, казалось, могло двинуть народныя массы на подвигъ спасенія Родины... но и этого не случилось. Не взирая на то, что мы переживаемъ эпоху, дѣйствительно напрашивающуюся на крестовый походъ, походъ, который имѣлъ-бы теперь болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ всѣ крестовые походы, взятые вмѣстѣ, какъ направленный противъ цитадели враговъ, посягающихъ на сущность самого ученія Христа. И если цѣли и преграды къ ихъ достиженію для средневѣковыхъ крестоносцевъ граничили съ невозможнымъ по тогдашнимъ условіямъ, то крестовый походъ въ наше время не представлялъ-бы и тысячной доли тѣхъ трудностей, которыя выпали на долю первыхъ защитниковъ св. Вѣры.

— Не тѣ люди стали! — съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Горскій.

— Къ глубокой скорби, нашъ вѣкъ не знаетъ второго Петра Амьенскаго, — продолжалъ развивать свои мысли Сытинъ, — онъ не удостоилъ насъ, русскихъ, быть даже современниками болѣе скромнаго служителя Христовой Церкви, на подобіе то-

го, какимъ въ свое время былъ Патріархъ Гермогенъ...

И приходится сдѣлать печальное заключеніе, что не будь у Россіи ея вѣрнѣйшихъ сыновъ — офицеровъ, — ни одинъ русскій не могъ-бы показаться за границей. Россія потеряла бы свое національное «я» и вполнѣ заслуженно поплелась бы въ хвостѣ міровой жизни. Развѣ не правъ нашъ великій русскій патріотъ, генералъ Антонъ Ивановичъ Деникинъ, сказавшій: «Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности. Смѣнить его можетъ только смерть».

— Мы, офицеры, спасли честь нашей Родины и Богъ дастъ спасемъ и ея жизнь.

По моему, за все время существованія Россійской арміи, за все время существованія корпуса офицеровъ, на долю послѣдняго не выпадало такой истинно мессіанской роли. Мнѣ кажется, я буду не далекъ отъ истины, если предрѣшу вердиктъ исторіи и скажу: «Русское офицерство, въ годы величайшихъ испытаній второго Смутнаго времени, оказалось квинтъ-эссенціей націи.

— Ну, хорошо, это все такъ; но какъ-же быть съ тѣми офицерами, что служатъ краснымъ? Не аннулируютъ ли они своей предательской работой той роли офицерства, которой ты только что гордился? — нерѣшительно задалъ вопросъ Горскій, какъ бы боясь разрушить зданіе, такъ красиво построенное его другомъ.

— Нисколько не аннулируютъ, — увѣренно

возразилъ Сытинъ, — и вотъ почему: ты вспомни только... Вѣдь всякій офицеръ, совершившій поступокъ, несовмѣстимый съ понятіемъ о воинской доблести и чести — «немедленно» и «срочно» изгонялся изъ офицерской среды .Среди офицеровъ, какъ правило, не было порочнаго элемента. А тутъ все, что хочешь. Квалифицируй по любой статьѣ: подали руку и вошли въ общество убійцъ, грабителей и шпіоновъ? — вошли. Измѣнили товариществу и долгу? — измѣнили. Предали Родину? — предали. — Чего тебѣ еще нужно?

— Какіе - же они послѣ этого офицеры?

— Красные командиры?.. можетъ быть... не спорю, но не офицеры. На этомъ, ты, братъ, меня не собьешь! Настоящіе офицеры, это мы, «бѣлые», не измѣнившіе, не перекрасившіеся, не уклонившіеся и не отошедшіе ни на іоту отъ «Высочайше утвержденнаго» образца... и вотъ эти... такъ называемые, офицеры военнаго времени... указалъ онъ рукой на безформенную массу спящихъ у костра людей.

— Разница между ними и нами, конечно, есть. Сейчасъ она здѣсь не существенна. — Я подчеркиваю, — повторилъ онъ, — «здѣсь», — ибо, разъ они здѣсь добровольно съ нами, значитъ, они духовно намъ сродни. Они твердо идутъ по нашимъ стопамъ, и мы должны въ нихъ признать нашихъ младшихъ братьевъ; а всѣ шероховатости и различія отъ подлиннаго офицера сотрутся и сгладятся, при совмѣстныхъ усиліяхъ старшихъ и младшихъ, одной общей великой Семьи, именуемой Русской Арміей.

— Вотъ это — офицеръ! — думалъ Горскій, глядя на своего друга, Сытина... Онъ почувствовалъ вдругъ громадный приливъ нѣжности... Ему захотѣлось броситься къ Толѣ, обнять его и горячо благодарить за столь ясную исповѣдь чувствъ, родственныхъ его душѣ...

Онъ готовъ былъ протянуть къ нему руки, какъ сверху вдругъ послышался топотъ ногъ бѣгущаго человѣка и учащенное дыханіе.

— Господинъ капитанъ! — Красные! — взволнованно выпалилъ запыхавшійся прапорщикъ Борисовъ.

— Успокойтесь и доложите все толкомъ, — повелительно остановилъ его Горскій тономъ, спокойствію котораго могли бы позавидовать олимпійцы.

Слово —«красные» — произвело магическое дѣйствіе: полушубки, шинели и попоны полетѣли въ разныя стороны, и въ предразсвѣтномъ туманѣ защелкали затворы...

— Съ Волги высадился матросскій дессантъ, — докладывалъ тѣмъ временемъ Борисовъ. — Матросы держатъ направленіе на насъ... Сейчасъ они могутъ быть въ полуверстѣ.

— Прекрасно! — прервалъ его Горскій.

— Попросите сюда командира второй полуроты....

Черезъ нѣсколько минутъ все было готово. На правомъ флангѣ, у самаго откоса обрыва, пристроились два пулемета. Около нихъ примостилась вся первая полурота, изготовляясь къ огню.

Та-же картина наблюдалсь и на лѣвомъ флангѣ, съ той только разницей, что тамъ былъ всего лишь одинъ пулеметъ.

— Огня не открывать безъ моей команды! — Слушать сюда! — раздался надъ оврагомъ голосъ Горскаго.

— Ну и молодцеватый офицеръ выработался изъ Горскаго... Три года войны для него не прошли даромъ... Я на себѣ чувствую его обаяніе, — думалъ Сытинъ, укладывая свою винтовку...

Пулеметные унтеръ-офицеры держали руки поднятыми вверхъ, въ знакъ полной готовности...

.....

Словно рукой невидимаго режиссера приподнимался надъ Волгой утренній туманъ... все выше и выше... Антрактъ въ «театрѣ ужасовъ», Россійской Гражданской войны подходилъ къ концу. Всѣ персонажи были на мѣстахъ.

— А! «Краса и гордость революціи!» — съ неукротимымъ огнемъ въ глазахъ, процѣдилъ сквозь зубы Горскій, увидя темную линію наступающихъ матросовъ и ползущихъ тачанокъ... и выждавъ еще моментъ, спокойно скомандовалъ: Огонь!..

Конецъ.

Наслѣдство офицера

..... 1929 г.

.....

Дорогой Костя!

Пишу Тебѣ наканунѣ моего отъѣзда въ С.С.С.Р. Всѣ сборы кончены. Когда Ты будешь читать эти строки, я, вѣроятно, буду или на Родной землѣ, или — меня вовсе не будетъ въ живыхъ. Изъ этой фразы тебѣ станетъ понятнымъ, что я, собственно, не уѣзжаю, а ухожу. Не уѣзжаю, а ухожу потому, что, прежде всего, такіе пассажиры, какъ мы съ тобой, въ С.С.С.Р. не ѣздятъ; а въ случаѣ надобности — просто шагаютъ черезъ границу.

Почему я ухожу, Тебѣ, вѣроятно, понятно, такъ какъ, кому-же, какъ не тебѣ, знать меня и мои взгляды.

Но дѣло не въ этомъ. Я боюсь одного: какъ бы въ случаѣ неудачи, наши заклятые враги, враги нашей горячо любимой Родины, не возвели клевету и на мое, ничѣмъ не опороченное имя.

Имя —вотъ та единственная цѣнность, которая у меня осталась, которой я дорожу и съ которой мнѣ ни за что не хотѣлось бы разстаться. И я вѣрю, что съ Твоей помощью, это мое послѣднее, закон-

ное, желаніе будетъ, во всякомъ случаѣ, осуществлено.

Тетрадь, въ которой записаны мои мысли, очерчены наиболѣе характерные эпизоды моей жизни и сдѣланы кой-какіе выводы и подведены итоги, — я оставляю тебѣ на сохраненіе.

Храни ее или до новой радостной встрѣчи, или до полученія тобой извѣстія о томъ, что твой Вася закончилъ свой жизненный путь, унеся съ собой всю ненависть и любовь, на которыя способно его сердце.

Въ послѣднемъ случаѣ, она просто останется тебѣ «въ наслѣдство», какъ память о Твоемъ лучшемъ другѣ, всегда искренне и горячо Тебя любившемъ

Твоемъ Васѣ.

Объемистую тетрадь и письмо это я получилъ около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ отъ моего друга Т. изъ государства, граничащаго съ С.С.С.Р.

Я тогда же ознакомился съ содержаніемъ записей и рѣшилъ хранить тетрадь, — какъ сказано, — до новой радостной встрѣчи...

Но увы! ей не суждено уже осуществиться.

Мой Т. погибъ, оказавъ передъ смертью геройское сопротивленіе палачамъ своей Родины, и не дался живымъ въ руки.

Теперь, когда нѣтъ его, и когда къ безконечнымъ неизвѣстнымъ могиламъ Русскихъ офицеровъ

прибавилась еще одна, когда невыразимая тоска сжимаетъ грудь, хочется отдать послѣдній долгъ этому герою.

Мнѣ хочется воскресить обликъ «ушедшаго», совершенно такъ же, какъ сдѣлалъ бы это я, исполняя его послѣднюю волю, выраженную въ словахъ: «Я боюсь одного — какъ бы въ случаѣ неудачи наши заклятые враги, враги нашей горячо любимой Родины, не возвели клевету и на мое, ничѣмъ не опороченное имя». —

Сдѣлать это въ настоящій моментъ тѣмъ легче, что полученіе извѣстія о его славной смерти совпало съ окончаніемъ мною работы, посвященной памяти Русскаго офицерства.

Пусть выбранная мною для вышеуказанной цѣли форма нарушитъ, до извѣстной степени, гармонію и внесетъ диссонансъ своимъ публицистическимъ характеромъ. За это я заранѣе прошу прощенія у взыскательнаго читателя; но зато, съ другой стороны, читателю, ознакомившемуся съ содержаніемъ первыхъ пяти очерковъ, повѣствующихъ о жизни, взглядахъ и работѣ рядовыхъ Русскихъ офицеровъ въ періодъ ношенія ими военной формы, не безъинтересно будетъ узнать объ ихъ-же жизни, взглядахъ, чаяніяхъ и самоотверженной работѣ въ тяжелые годы эмигрантскаго существованія Представленіе объ этомъ и дадутъ выдержки изъ записей, оставленныхъ мнѣ «въ наслѣдство», моимъ «ушедшимъ» другомъ. Съ этой стороны, предлагаемый очеркъ — «Наслѣдство офицера» —

несомнѣнно будетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ заглавіемъ книги.

*

Отрывокъ первый.

... «Теперь, въ зрѣломъ возрастѣ, когда я задумываюсь надъ тѣмъ, кѣмъ предопредѣлено мнѣ быть судьбой, я прихожу къ опредѣленному выводу, что натуры, подобныя моей, въ древней Греціи были спартанцами, въ древнемъ Римѣ — всадниками, а въ средніе вѣка — рыцарями, крестоносцами. Въ наше время судьба своими удивительными путями заботливо перенесла меня въ корпорацію, наиболѣе твердо усвоившую и сохранившую завѣты лучшихъ временъ классической государственности — въ среду Россійскихъ Императорскихъ Офицеровъ...

Мнѣ было семь лѣтъ, когда я самъ того не сознавая, — рѣшилъ свою судьбу. Предо мной, тогда семилѣтнимъ ребенкомъ, стоялъ сложный вопросъ выбора опекуновъ послѣ смерти моего отца. Мать моя умерла много раньше, и я, оставшись круглымъ сиротой, долженъ былъ перейти на воспитаніе къ роднымъ. Я помню этотъ день. Семейный совѣтъ происходилъ въ гостинной. Въ ней собралась вся близкая родня. — Ну, Вася, рѣшай самъ, у кого ты хочешь остаться, — былъ заданъ вопросъ... Я колебался не долго. Въ моемъ сознаніи почему-то ярче всего встали двѣ перспективы:

Подниматься каждый день чуть свѣтъ и итти съ отцовской бабушкой въ церковь къ заутренѣ,

долго стоять тамъ на колѣняхъ и класть земные поклоны, въ то время, когда такъ хочется спать... Или ѣздить на санкахъ одинъ только разъ въ году, — въ сочельникъ, въ нѣмецкую кирку (мой отецъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на чистокровной нѣмкѣ), гдѣ такъ удобно сидѣть за партой, водя пальцемъ по толстому молитвеннику, такъ недолго нужно слушать непонятную проповѣдь и торжественное пѣніе молящихся... а потомъ, возвращаться домой на санкахъ — прямо къ зажженной елкѣ...

Я крѣпко любилъ обѣихъ бабушекъ. Обѣ меня баловали: одна дарила мнѣ пятикопѣечныя шоколадныя бомбы съ маленькими сюрпризами, а другая давала облизывать ложки отъ гоголь-моголя, когда на кухнѣ готовились вкусные торты и печенья... И, если качества обѣихъ бабушекъ казались мнѣ равноцѣнными, во второмъ случаѣ, то перевѣсъ былъ на сторонѣ мачехиной бабушки — въ первомъ.

— Хочу остаться съ тобой бабушка, — сказалъ я, низко наклонивъ голову, подходя къ мачехиной бабушкѣ, боясь встрѣтиться съ укоризненнымъ взглядомъ ея соперницы, — также искренне меня любившей. Я спряталъ голову на груди у своей избранницы и почему-то горько заплакалъ.

Ко мнѣ склонилось ея доброе лицо, я потонулъ въ ея мягкихъ объятіяхъ и ощутилъ на лицѣ своемъ, теплыя, отвѣтныя слезы...

Я росъ и воспитывался подъ исключительнымъ вліяніемъ своей «выборной» бабушки.

Все хорошее, что во мнѣ есть, заложено ею или

развито ея поощреніями. Все дурное ею-же выбивалось изъ меня палкой, какъ выбивается пыль изъ ковра, развѣшаннаго на веревкѣ, въ яркій солнечный день.

Многими положительными свойствами обладала моя избранница: трудолюбіе, честность, глубокая вѣра и религіозность были лучшими украшеніями этой удивительной женщины, но самымъ поразительнымъ качествомъ ея натуры было совершенно непередаваемое, поражающее своей монолитностью чувство любви.

Сначала я этимъ вопросомъ не интересовался и въ немъ не разбирался, но съ теченіемъ времени какъ-то самъ-собой разобрался, сопоставивъ факты и припомнивъ все на протяженіи многихъ лѣтъ...

Предо мной встала во весь ростъ трогательная исторія любви до гроба, и я, какъ очарованный, залюбовался красивой легендой вѣчной любви, проходившей передъ моимъ мысленнымъ взоромъ.

Предметомъ этой удивительной любви былъ второй мужъ моей бабушки — русскій офицеръ, служившій въ славномъ Ширванскомъ полку.

Онъ умеръ много лѣтъ тому назадъ, когда бабушкѣ моей еще не было и сорока лѣтъ; но этотъ человѣкъ сталъ такъ мнѣ близокъ, такъ вошелъ въ обиходъ моихъ представленій о многихъ событіяхъ и вещахъ, что я начиналъ, иногда, впадать въ невольный анахронизмъ, задавая бабушкѣ наивные вопросы, на которые та неизмѣнно отвѣчала:

— Нѣтъ, дорогой, тебя тогда еще на свѣтѣ не было.

Все, что касалось памяти ея мужа, было священнымъ. Разъ въ годъ, лѣтомъ, въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней, когда вся панорама величественныхъ Кавказскихъ горъ виднѣлась какъ на ладони, — прямо изъ нашего сада, — когда Столовая гора, казалось, начиналась въ концѣ нашей улицы, а Казбекъ гордо сверкалъ своей ослѣпительной бѣлизной на фонѣ голубого безоблачнаго неба, — въ садъ выносился громадный, какъ ноевъ ковчегъ, зеленый сундукъ, обитый крестъ-накрестъ узкими желѣзными полосками. Въ немъ среди прочихъ вещей лежали: Ширванскій мундиръ Александровскаго времени, штабсъ-капитанскіе эполеты и колодка орденовъ. А въ особомъ отдѣленіи сундука — старинныя фотографіи, какіе-то «важныя» бумаги и послужной списокъ.

Я давно зналъ исторію каждаго ордена и каждой медали, какъ и всю исторію Ахалъ-Текинской экспедиціи, въ которой они были получены. Все это, обыкновенно, разсказывала бабушка въ длинные зимніе вечера за шитьемъ, когда я подсаживался къ ней послѣ приготовленія уроковъ. Плавно текла ея рѣчь, и предо мной проносились тѣни легендарныхъ героевъ и воскресали совершенные ими подвиги... Но я одинаково хорошо запомнилъ, какъ подвигъ рядового 21-ой арт. бригады Агафона Никитина, такъ и поучительный случай, имѣвшій мѣсто при выносѣ на провѣтриваніе знаменитаго сундука: я помню, какъ жестоко былъ наказанъ мой сводный братъ, непочтительно отозвавшійся о пересыпанныхъ нафталиномъ бабушкиныхъ реликві-

яхъ, какъ о «капернаумскихъ фамильныхъ вещахъ».

Помню, что послѣ солидной порки, онъ долженъ былъ просить прощенія и дать клятвенное обѣщаніе не говорить больше такихъ глупыхъ, оскорбительныхъ вещей.

— Это тебѣ не капернаумскія вещи, а офицерскій мундиръ, который честно носилъ твой заслуженный дѣдъ... Ты не смѣешь говорить всякую ерунду, которая взбредетъ тебѣ на языкъ, — вскорѣ послѣ экзекуціи приговаривала плакавшая, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ бабушка, прижимая къ груди раскаявшагося и ревѣвшаго бѣлугой моего младшаго брата.

Сцена искренняго раскаянія и искренняго прощенія рѣдко кого можетъ не тронуть, и я, не составляя исключенія изъ общаго правила, наблюдая всю, только что описанную картину, — стоялъ потрясенный.

Не удивительно, что понемногу и я увѣровалъ въ святость этихъ реликвій.

Меня поразили и захватили всѣ нарисованные ею безчисленные героическіе образы. Я заразился ея благоговѣніемъ передъ ними и началъ стремиться подражать имъ, съ затаенной мыслью услышать когда нибудь слова одобренія изъ устъ самой бабушки.

Эта мечта моя осуществилась не скоро....

Я провелъ всю Великую и гражданскую войну, былъ нѣсколько разъ раненъ, получилъ всѣ боевыя награды, которымъ могъ позавидовать самъ прославленный дѣдушка, но только въ эмиграціи сталъ

получать отъ моей престарѣлой бабушки письма, начинающіяся неизмѣнно словами:

— «Мой милый, дорогой герой»...

Эта награда была для меня самой высокой. самой обязывающей...

Такъ, у моего отца, купца по роду занятій, простого матроса по роду службы государству во время отбыванія имъ воинской повинности и ненавистника офицеровъ по взглядамъ, которые имъ неоднократно выражались фразой: — «я лучше убью своего сына, чѣмъ позволю ему быть офицеромъ», — оба его сына, неисповѣдимыми путями Господними, сдѣлались офицерами».

***

Отрывокъ второй.

... «Русская государственность держалась на трехъ столпахъ: «Вѣра, Царь и Отечество».

Революція свалила эти столпы и вся вѣковая государственная постройка рухнула.

III-ій Интернаціоналъ, захватившій въ свои цѣпкія лапы Россію и одураченный русскій народъ, заканчиваетъ уже разборку фундамента стараго зданія. Его усилія направлены сейчасъ на разгромъ семьи, уничтоженіе всякаго авторитета, окончательное искорененіе религіи и морали и уничтоженіе русскаго языка. Въ С.С.С.Р. нарождается поколѣніе, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ народомъ, который когда - то назывался русскимъ, образъ котораго мы сохраняемъ здѣсь, на чужбинѣ.

Россія и Русская народность стоятъ передъ

грозной возможностью сойти съ исторической сцены, на подобіе того, какъ въ свое время, закончили свое существованіе древніе Вавилонъ, Греція и Римъ.

Всѣ русскіе люди, въ комъ разумъ, душа и сердце не могутъ примириться съ гибелью своей Родины, не должны больше медлить ни минуты!

Довольно выжидать, когда насъ призовутъ, надѣяться на чью то интервенцію, на внутренній взрывъ и на прочія возможности.

Уцѣлѣвшіе и народившіеся внутри С. С. С. Р. русскіе патріоты должны перестать думать, что ихъ, при современномъ положеніи вещей, спасетъ эмиграція. Помощи ждать неоткуда. Сильная Россія никому не нужна. Всѣ ждутъ ея смерти. Нужны совмѣстныя героическія усилія патріотовъ обѣихъ сторонъ, направленныя къ единственной цѣли: свержению ига III-го Интернаціонала.

Прежде всего надо перемѣнить тактику борьбы: Нужно припомнить, какими методами и способами подтачивались основы прежняго государственнаго строя. Внести къ старымъ методамъ поправки, отвѣчающія современной обстановкѣ, и начать дѣйствовать революціонными путями.

Должна быть выработана новая идеологія борьбы, которая своей ясностью, простотой и общей пріемлемостью захватила бы широкіе круги русского народа и привлекла бы въ ряды борцовъ молодыя, живыя силы русскихъ патріотовъ. Не нужно забывать, что большевизмъ, въ періодъ военнаго коммунизма, дѣйствовалъ не силой одного

только оружія. Онъ также, какъ и бѣлое движеніе, имѣлъ свои вдохновляющіе лозунги.

Пусть эти лозунги, съ нашей точки зрѣнія, были низменны и утопичны до преступности, но и за ними шли идейные борцы.

Это ихъ беззавѣтному самопожертвованію обязанъ русскій народъ своими оковами.

Нашему русскому «Вію» нужно приподнять его тяжелыя вѣки и показать ту пропасть, къ которой его уже подвели вплотную. Время не ждетъ.

Много говорятъ объ арміи. Вѣрно. Она есть, пока есть кадры. Но въ эмиграціи мы уже девять лѣтъ. Офицеры самыхъ послѣднихъ выпусковъ довоеннаго времени, по возрасту, подходятъ къ 40 годамъ.

Нужно готовить смѣну! Пусть это не будутъ офицеры, но это будутъ люди вѣрные лучшимъ завѣтамъ стараго офицерства — убѣжденные продолжатели неоконченнаго нами дѣла спасенія Россіи.

Въ этотъ грозный часъ всѣ старые, испытанные вожди, всѣ стоящіе во главѣ воинскихъ организацій, — должны сойтись, дружески подать другъ другу руки въ знакъ сознанія отвѣтственности момента; сѣсть за одинъ столъ и выработать планъ новаго рѣшительнаго наступленія на смертельнаго врага.

Это одно вызоветъ небывалый подъемъ угасающей вѣры, взрывъ энтузіазма и привлечетъ въ наши ряды новыя дѣйственныя силы.

Небывалыя испытанія, значительное время, опытъ и знанія пріобрѣтенныя на чужбинѣ, не

только закалили насъ, но и помогли намъ разобраться и отличить истинныхъ русскихъ патріотовъ-вождей, не покладающихъ рукъ въ работѣ, по приближенію часа возрожденія Россіи. Ихъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше... но они еще есть:

Во весь ростъ стоитъ предъ нами витязь Русской земли генералъ Антонъ Ивановичъ Деникинъ, старѣйшій вождь, мастеръ шпаги, пера и слова. Его панцырь носитъ слѣды безчисленныхъ ударовъ враговъ. На немъ есть слѣды и отъ ударовъ въ спину. Но панцырь цѣлъ. Устоялъ богатырь, не измѣнивъ ни на іоту своей вѣрѣ. По прежнему ярко горитъ въ душѣ его священный огонь любви къ Отчизнѣ и по прежнему стоитъ онъ на стражѣ Русской государственности...

... Горда Россія и другимъ великимъ пламеннымъ своимъ патріотомъ — генераломъ Петромъ Николаевичемъ Красновымъ — баяномъ доблести, красоты и любви, пѣвцомъ Великой Россіи, подобно вѣщему колоколу, будящему лучшія чувства своего народа и зовущему его на подвигъ всепрощенія и самовозрожденія.

Его чудесной рукой художника намѣчены рѣзкія грани, отдѣляющія наше великое прошлое, отъ теперешняго его паденія и обнищанія. И его неутомимой рукой воздвигаются одна за другой путеводныя вѣхи къ новому величію и славѣ Россіи.

Далекъ и тернистъ этотъ путь...

Но не смущается сердце генерала Александра Павловича Кутепова — вождя плоть отъ плоти,

кровь отъ крови, рядового Русскаго офицерства. Онъ тоже изъ «стаи славныхъ». Прямолинейны и увѣренны его движенія. Тяжела его поступь, оставляющая глубокіе слѣды, гдѣ-бы онъ ни ступилъ. Не сбиться по этимъ слѣдамъ — они ведутъ къ Россіи.

Пройдутъ года... Къ безотраднымъ берегамъ далекаго теплаго моря подплывутъ корабли съ гордо развѣвающимися трехцвѣтными Русскими флагами... Толпы народа устремятся къ величественному памятнику эпохи «Великихъ потрясеній», камни котораго будутъ говорить: здѣсь прошелъ съ Галлиполійцами Кутеповъ...

Рельефно и выпукло выступаетъ на фонѣ нашего безвременья работа еще двухъ великихъ патріотовъ Земли Русской, идущихъ разными путями къ осуществленію общей цѣли — спасенія Родины.

— Учитесь и вѣрьте, Россія возродится! — обращаясь къ зарубежному офицерству, всею силою своего авторитета, заявляетъ профессоръ генералъ Н. Н. Головинъ. — «Я напомню вамъ, — говоритъ онъ, — образъ старика подъ семьдесятъ лѣтъ, днями и вечерами просиживавшаго надъ картами и книгами въ новгородской глуши. Этотъ старикъ былъ сосланъ Императоромъ Павломъ въ свое помѣстье при селѣ Кончакскомъ. Это нашъ великій Суворовъ.

По тѣмъ временамъ бездорожья и малаго развитія прессы, 15 журналовъ на семи языкахъ, кото-

рые получалъ Суворовъ, — это что-то поразительное.

Но для чего онъ это дѣлалъ? Впавшій въ немилость, затертый въ глуши, на исходѣ своего жизненнаго пути — чего онъ ждалъ?

... Для того, чтобы Суворовъ вновь вернулся къ военному дѣлу, было неизмѣримо меньше шансовъ, чѣмъ для офицеровъ, работающихъ сейчасъ на минѣ Перникъ или на любомъ заводѣ... Кромѣ того, геніальный Суворовъ нуждался въ самообразованіи въ неизмѣримо меньшей степени, чѣмъ любой изъ насъ.

Но совершилось «чудо», и великій «чудакъ» въ 1799 году былъ опять призванъ творить свое дѣло на далекой отъ его Новгородскихъ лѣсовъ Ломбардской долинѣ.

... Неужели вы вѣрите въ то, что Великій Русскій Народъ будетъ безконечно нести на себѣ ярмо III-го Интернаціонала? Неужели вы думаете, что проснувшееся въ немъ національное самосознаніе не сброситъ и, можетъ быть, гораздо легче, чѣмъ это всѣ думаютъ, кучку международныхъ авантюристовъ, которая измывается сейчасъ надъ Россіей, вычеркнувъ изъ обихода даже слово «Россія».

А тогда, чѣмъ моложе вы, тѣмъ больше шансовъ, что Родина будетъ нуждаться въ васъ.

Только когда произойдетъ освобожденіе русскаго народа, оно произойдетъ такъ быстро, что вамъ некогда будетъ подливать масло въ ваши погашенные свѣтильники. И какъ-бы Родина не сказала вамъ, подобно Жениху въ Евангельской притчѣ:

«истинно говорю вамъ: не знаю васъ... Итакъ, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ Человѣческій». (Отъ Матѳея, глава 26, стихъ 12 и 13*).

И въ наши дни, на нашихъ глазахъ, совершается необычайное. Офицерство, прямо отъ фабричныхъ станковъ, отъ руля такси, отъ прочихъ повседневныхъ занятій и работъ, идетъ по зову генерала Головина исполнять свой патріотическій долгъ и садится за книги.

Волею одного человѣка начата и успѣшно ведется на протяженіи уже трехъ лѣтъ систематическая работа на пользу Арміи.

Съ великой вѣрой строится фундаментъ какого-то крупнаго зданія, контуры котораго для насъ, близь стоящихъ, еще не ясны. Но извѣстно, что всякіе крупные предметы разсматриваются издали. Такъ, и это зданіе, строющееся генераломъ Головинымъ, лучше всего станетъ виднымъ изъ Россіи...

Если работа генерала Головина ведется въ укромной тиши, если она сравнительно мало осязаема, а можетъ быть, даже и непонятна широкимъ кругамъ эмиграціи, то работа генерала Н. Н. Баратова у всѣхъ на виду, затрагиваетъ рѣшительно каждаго, всѣхъ дѣлаетъ причастнымъ его работѣ, подчасъ даже помимо ихъ собственнаго желанія.

Генералъ Баратовъ — знатокъ человѣческой души; его гибкій умъ, пламенное сердце и красивое,

---

*) Проф. ген. Головинъ. Военный Сборникъ, кн. VII. Письма о военномъ самообразованіи, стр. 4 и 5.

убѣдительное слово, заставляютъ звучать струны самыхъ сложныхъ человѣческихъ инструментовъ. Энергія его — легендарна, онъ носитъ въ себѣ подвижность ртути; онъ весь порывъ и горѣніе на пользу родной арміи, въ дѣлѣ помощи тѣмъ изъ ея членовъ, на комъ яркими кровавыми рубцами запечатлена ихъ вѣрная служба Отчизнѣ.

Эта крупная работа не можетъ быть достойно оцѣнена сейчасъ, здѣсь, вблизи. Пожалуй, развѣ только вещественная часть этой работы, ибо она осязаема на ощупь. Но идейная ея сторона велика настолько, что можетъ быть оцѣнена только Россіей.

Таковы наши уцѣлѣвшіе, хранимые Богомъ, вожди. Есть и другіе не менѣе самоотверженные и вѣрные... Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что вожди наши дѣйствуютъ вразбродъ — каждый за свой страхъ и рискъ.

Ни генералъ Деникинъ, ни генералъ Красновъ, ни генералъ Кутеповъ, ни прочіе, ничего въ отдѣльности сдѣлать не могутъ. Даже генералъ Кутеповъ, являющійся сейчасъ предсѣдателемъ обще-воинскаго союза, не представляетъ собой нужной силы.

Но это не значитъ еще, что все погибло и что наша мощь, вѣра и духъ изсякли.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Нужна только боевая перегруппировка: нуженъ военный совѣтъ вождей.

Нужны не съѣзды профессіональныхъ политиковъ и пресловутыхъ общественниковъ — отцовъ, дѣдушекъ и бабушекъ нашей революціи, этихъ

истинныхъ творцовъ нашего русскаго лихолѣтья, — нуженъ военный совѣтъ.

Нужно, наконецъ, установить общее военное единоначаліе, давно у насъ, къ слову сказать, нарушенное. Сами вожди должны, прежде всего, столковаться между собой такъ, чтобы по возможности впитать въ орбиту своего вліянія все наиболѣе полезное и живое изъ нашей эмиграціи.

Когда это случится, должна прозвучать ясно и отчетливо команда:

«Русскіе патріоты — ко мнѣ!»

По этой командѣ, къ вождю, какъ къ знамени должны сомкнуться старые и молодые, мужчины и женщины, военные и штатскіе — всѣ, кто еще вѣритъ въ свои силы, кто готовъ на жертвы и на борьбу во имя Россіи, помня что работы хватитъ всѣмъ, ибо война съ поработителями Родины продолжается.

Долженъ быть возстановленъ, или заново созданъ боевой, разящій аппаратъ.

Мы живемъ въ тотъ чудесный вѣкъ, въ который смертельные удары могутъ наноситься съ громадныхъ разстояній. Одни мы, русскіе эмигранты, таимъ въ себѣ неисчислимыя и разнообразныя силы.

Среди насъ есть закаленные, безстрашные бойцы, въ рукахъ которыхъ разящій клинокъ не знаетъ промаха; среди насъ есть люди, постигшіе великую тайну поражать врага огненною силой пера и слова; среди насъ есть люди, посвятившіе себя изученію всѣхъ премудростей изумительной техни-

ки нашихъ дней, которая также можетъ быть полностью примѣнена къ уничтоженію врага; среди насъ есть люди, жаждущіе подвига; среди насъ должны найтись и Мининъ. Если ихъ нѣтъ, — то надо призвать ихъ къ жизни искусственно. Каждый долженъ занять опредѣленное мѣсто въ этой боевой машинѣ, сообразно своимъ способностямъ и силамъ. Машина эта должна быть создана теперь-же, ибо никто не знаетъ, когда настанетъ часъ освобожденія Россіи, и горе намъ, если въ этотъ часъ, мы окажемся неорганизованными сверху до низу въ единую, монолитную силу, способную къ безпрекословному повиновенію, преисполненному жаждой жертвеннаго подвига, вооруженную силой своей правоты и мудростью разностороннихъ знаній».

***

Отрывокъ третій.

... «Я сравнительно хорошо устроенъ. Моего заработка мнѣ хватаетъ на удовлетвореніе всѣхъ необходимыхъ нуждъ. Но нѣтъ душевнаго покоя.

Мы, русскіе эмигранты, здѣсь на чужбинѣ своими трудами увеличиваемъ накопленіе народныхъ богатствъ не только чуждыхъ намъ, но подчасъ и враждебныхъ намъ народовъ, въ то время, какъ нашъ собственный народъ дошелъ до полной нищеты матеріальной и духовной. Красная черта отдѣлила насъ непроницаемой стѣной отъ нашей Родины. Голосъ правды задушенъ, и истина скрыта отъ нашихъ взоровъ.

За одиннадцать лѣтъ тиранической власти про-

клятаго интернаціонала до насъ долетали лишь придушенные мучительные стоны.

Но въ то же время... Одиннадцать лѣтъ! Одиннадцать лѣтъ правитъ русскимъ народомъ власть, которая громко заявляетъ права на наименованіе народной.

Въ чемъ дѣло? Гдѣ истина?

Неужели русскій народъ навсегда примирился со своимъ положеніемъ? Неужели онъ призналъ власть наемниковъ и убійцъ — своей подлинной, народной властью?..

Если — да, то дальнѣйшая борьба безсмысленна: мы, эмигранты, «отрѣзанный ломоть», обреченный на пожизненное лишеніе Родины. Такъ-ли это?

Можно-ли допустить, чтобы великій, молодой народъ, таящій въ себѣ неисчислимыя богатства духовныхъ и физическихъ силъ, неуклонно двигавшійся по пути культурнаго, экономическаго и политическаго прогресса, — могъ добровольно примириться съ предательски наброшенными на него оковами?

Вотъ та мысль, которая точитъ меня и многихъ, мнѣ подобныхъ. Она, какъ раскаленнымъ желѣзомъ жжетъ мой мозгъ и какъ болѣзненная рана, не даетъ покоя, — терзая сердце.

И встаютъ новые вопросы: А гдѣ-же люди, кто, не щадя своей жизни, въ теченіе десятковъ лѣтъ шли на страданія и смерть, вынашивая въ себѣ свѣтлую идею счастья народа и Родины?

Вѣдь были времена, когда за призракомъ сво-

боды стихійно поднимались грозныя массы. Гдѣ все это? Гдѣ эти люди?.. И гдѣ эти прекрасныя идеи, за которыя они страдали и безтрепетно отдавали жизнь?

... И появляется отвѣтъ: Если твой народъ не призналъ новой власти, если онъ напрягаетъ послѣднія усилія въ попыткахъ разорвать свои оковы, сдерживаемый стальной сѣтью, опутывающей его сатанинской паутины, — иди смѣло впередъ на его спасенье! Помоги вернуть ему свободу; забудь тѣ дни, когда ты однажды уже шелъ для его спасенья... Когда ты былъ не понятъ имъ и жестоко отвергнутъ. Забудь тѣ дни!

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ и съ мечомъ въ рукѣ, и крестомъ въ груди — смѣло впередъ!

Если ты вѣрный сынъ своей Родины, ты не можешь остаться безучастнымъ въ этой новой рѣшительной борьбѣ! «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой!»...

.....

Но каждому бою предшествуетъ развѣдка:

Узнать настроенія, услышать подлинный голосъ моего народа, вложить собственные персты въ его раны; нащупать слабые мѣста заклятаго врага, — вотъ истинный смыслъ этой развѣдки.

И чѣмъ влачить жалкое существованіе здѣсь на чужбинѣ, чѣмъ стоять изо-дня въ день у станка и чувствовать, какъ уходятъ лучшіе годы жизни, а вмѣстѣ съ ними изсякаютъ силы, бодрость и вѣра, — лучше пойти на опасность и смерть, имѣя пол-

ную увѣренность въ торжествѣ великой идеи. Итакъ, — впередъ!

Жизнь безъ Родины — безцѣльна!»

***

Я переписываю эти послѣднія строки и чувствую, какъ дрожитъ въ моей рукѣ перо, отъ нарастающаго въ душѣ моей волненья...

Мой милый другъ!

Я исполнилъ, посильно, твою волю... Я только не могу указать всѣмъ Твоей неизвѣстной могилы, надъ которой долженъ былъ бы быть поставленъ вѣчный памятникъ, гласящій:

Остановись, прохожій!
Здѣсь пролита благородная кровь вѣрнаго Русскаго Офицера.
Здѣсь грязными руками наемниковъ, прервана нить красивой, одухотворенной жизни...
На этомъ мѣстѣ, безжалостно растоптано его сердце, вмѣстѣ съ жившей въ немъ пламенной любовью.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Сомкнемъ штыки! 5
Боевое крещеніе 26
«Молекулярная» работа 50
«Желтые дьяволы» 62
Ночное 82
«Наслѣдство офицера 97

Imprimerie PASCAL, 13, Rue Pascal, Paris-5e

Складъ изданія:
Книжный магазинъ Е. Сіяльской.
PARIS (8e)
2, Rue Pierre-le-Grand

10—